

*АНТОЛОГИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ*

Ю. М. Ткачевский
**ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ**

Антология юридической науки

Юрий Ткачевский
Избранные труды

«Юридический центр»

2010

Ткачевский Ю. М.

Избранные труды / Ю. М. Ткачевский — «Юридический центр», 2010 — (Антология юридической науки)

Ю. М. Ткачевский – Герой Советского Союза, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, один из видных современных теоретиков в области уголовного и уголовно-исполнительного права, автор более 220 научных и учебно-методических работ по истории возникновения и развития прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний. В сборник избранных трудов Ю. М. Ткачевского включены монографии и статьи по уголовно-исполнительному праву, написанные в период развития советской и современной юридической науки и практики. Для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также всех интересующихся проблемами уголовного права.

ББК 67.408

Содержание

Предисловие	9
Юрий Матвеевич Ткачевский	10
Не зря жил и живу...	20
Часть I	23
Давность в советском уголовном праве[2]	23
Глава 1	23
Глава 2	28
§ 1. История развития уголовного законодательства о давности привлечения к уголовной ответственности	28
§ 2. Юридическая природа давности привлечения к уголовной ответственности	32
§ 4. Сроки давности привлечения к уголовной ответственности	36
§ 5. Исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юрий Ткачевский

Избранные труды

90-летию Героя Советского Союза, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Заслуженного профессора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессора кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ, доктора юридических наук Юрия Матвеевича Ткачевского
ПОСВЯЩАЕТСЯ

- © Ю. М. Ткачевский, 2010
- © А. В. Пашковская, составление, 2010
- © В. С. Комиссаров, вступ. ст., 2010
- © Н. Е. Крылова, вступ. ст., 2010
- © Изд-во «Юридический центр-Пресс», 2010

* * *

На переднем плане: слева – летчик Ю. В. Моргунов, справа – штурман Ю. М. Ткачевский.
Курская дуга, 1943 г.

Встреча фронтовых друзей в Парке культуры имени Горького (Москва). 9 мая 1985 г.
Слева – Ю. М. Ткачевский, справа – Ю. В. Моргунов

Ю. М. Ткачевский на церемонии вручения «Звезды Московского университета». 2005 г.

Ректор МГУ им. М. В. Ломоносова В. А. Садовничий и Герой Советского Союза Ю. М. Ткачевский на церемонии возложения венков к Вечному огню (возле 1 корпуса МГУ). 5 мая 2010 г.

Предисловие

У народов нашего государства есть хорошая традиция – чествовать своих достойных сыновей и дочерей. Причины такого чествования могут быть различными – юбилейная дата рождения, совершение подвига, крупные события в личной жизни, достижение высоких профессиональных успехов и т. д. Книга, которую Вы, уважаемый читатель, держите в своих руках, также связана с чествованием одного из 142 миллионов человек, населяющих нашу страну, – Юрия Матвеевича Ткачевского. В судьбе этого человека удивительным образом сплелось все, что выпало на долю человека, прожившего почти эпоху – здесь суровые будни войны и многолетний труд, личное долголетие и профессиональные успехи, семейное счастье.

Я написал: одного из 142 миллионов человек нашей Родины. На самом деле это, конечно, не так. Юрий Матвеевич Ткачевский далеко не рядовой гражданин России. Невозможно, да, наверное, и нет необходимости со стороны давать полную и всеобъемлющую характеристику этой легендарной личности. Каждый читатель выберет для себя то, что ему более близко и понятно в судьбе Юрия Матвеевича. Поэтому ограничусь лишь краткой обобщающей справкой.

На профессиональном поприще Юрий Матвеевич – доктор юридических наук, профессор, написавший более 220 научных работ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Именно Юрий Матвеевич возродил в гражданских вузах чтение курса по уголовно-исполнительному (тогда исправительно-трудовому) праву, подготовив всю необходимую методическую базу.

В семейной жизни Юрий Матвеевич не только счастливый Муж, отец, дед и прадед, но еще и основатель династии юристов, четыре поколения которых уже трудятся на благо нашей Отчизны и, надеюсь, на этом династия не окончится.

Особое место в судьбе Юрия Матвеевича занимает Великая Отечественная война. Именно в то время в полной мере проявились лучшие черты Юрия Матвеевича как гражданина своей страны. И наша страна по достоинству оценила подвиги Юрия Матвеевича Ткачевского, наградив его высшей наградой Отчизны – звездой Героя Советского Союза.

Поколению победителей, видевших смерть и самому вынужденному причинять смерть, свойственно особым образом ценить жизнь. Свою личную «войну» они продолжают и в настоящее время. Активная жизненная позиция, профессиональная ответственность и чувство сопричастности – это то, что и сегодня, несмотря на возраст, заставляет их выполнять свой гражданский долг.

Предлагаемая читателю книга – это, прежде всего, дань огромного уважения Юрию Матвеевичу Ткачевскому. Вместе с тем, надеюсь, что и молодое поколение юристов, в том числе посвятивших себя научно-педагогической деятельности, поймет, что и в наше время есть люди, с которых можно и нужно брать пример в жизни.

*Доктор юридических наук, профессор
В. С. Комиссаров*

Юрий Матвеевич Ткачевский (биографический очерк)

«Маршал Советского Союза Василевский поднял бокал и произнес: – Я предлагаю тост за Юрия Матвеевича Ткачевского – героя войны, ставшего и в мирное время известным ученым. Мы гордимся, что наша армия воспитала таких замечательных людей. Присутствующие на приеме в честь Дня Победы в Центральном Доме Советской Армии¹ взглянули на стройного, подтянутого мужчину, на груди которого поблескивала Звезда Героя. Доктор юридических наук, профессор Московского государственного университета Ткачевский смущенно улыбался. И в эту минуту трудно было уверовать в то, что именно он был в годы войны настоящей грозой для врага, нанося по нему сокрушительные удары».

(Из книги: Спиридонов Г. В., Миронов Н. К., Ивакин С. А., Перцев Б. Н. Павлово-на-Оке. 1566–1991. – Н. Новгород: Волго-Вятское книжное издательство, 1991).

Юрий Матвеевич Ткачевский родился 10 июня 1920 г. в городе Павлово Горьковской (ныне – Нижегородской) области. Отец, Ткачевский Матвей Захарович, до Октября 1917 г. был рабочим, после революции – служащий на партийной работе. Мама, Нина Андреевна, вела домашнее хозяйство. Семья часто переезжала из одного города в другой. Юрий учился в разных школах и среднюю школу окончил в 1939 г. в городе Рыльске Курской области. В ноябре 1936 г. Рыльским РК ВЛКСМ был принят в комсомол.

Из воспоминаний юности одно – очень яркое, определившее последующую жизнь Юрия Матвеевича. Однажды, когда ему было 13 лет, в нескольких километрах от города Ливны, где жила семья Ткачевских, совершил вынужденную посадку самолет. Это был учебный самолет Яковлева – биплан. Юра с другом Александром Зубковым бегали каждый день смотреть на «чудо техники и воплощение красоты», пахнущее бензином и горелым маслом. Именно тогда он и его друг поклялись «кровью» стать летчиками: прокололи указательный палец и на клочке бумажки написали клятву, сильнее которой в их тогдашнем представлении ничего быть не могло. Юра свое слово сдержал, а друга в авиацию не взяли по состоянию здоровья (был поврежден палец на левой руке). Впоследствии Александр окончил танковое училище, стал танкистом и погиб в первые дни Великой Отечественной войны, защищая Родину.

Воплощая свою мечту, Юра серьезно занялся спортом – плаванием и уже через несколько лет выигрывал призовые места в областных соревнованиях среди школьников. И еще книги, книги... В то время не было такой литературы о летчиках, которую бы не прочитал Юра. Буквально «настойной» стала повесть о знаменитом нижегородце Валерии Павловиче Чкалове. Мама не разделяла энтузиазма сына и очень хотела, чтобы он стал инженером, однако тот настаивал на своем.

В 1937 г. руководство союзного комсомола выступило с лозунгом: «Даешь 25 тысяч комсомольцев-летчиков!». В Рыльский район приехала специальная комиссия по отбору добровольцев. Точнее, комиссии было две: одна медицинская, другая мандатная. Юрий, имеющий

¹ В действительности, авторы книги допустили неточность: описанные события происходили не в Центральном Доме Советской Армии, а в Главном здании МГУ им. М. В. Ломоносова. По свидетельству Ю. М. Ткачевского, эта встреча «в верхах», на которой присутствовали маршалы Советского Союза Василевский А. М., Рокоссовский К. К. и другие, а также космонавты, проходила накануне Дня Победы, 6 или 7 мая 1966 года, перед самой защитой Юрием Матвеевичем докторской диссертации. Один из гостей предложил «собрать автографы» именитых гостей и сделал это в подарок Юрию Матвеевичу, эти автографы до сих пор хранятся у него. Когда один из военачальников поднял тост за космонавтов (необходимо учитывать, что это время было самым началом освоения космического пространства), кто-то из космонавтов ответил: «Да что мы, мы – просто космонавты, а вот они... – и показал на присутствующих Юрия Матвеевича и других участников войны, – они настоящие Герои Советского Союза!»

хорошую физическую подготовку, медицинскую комиссию прошел успешно. Однако мандатная комиссия его не пропустила.

Сложное это было время. Теперь, спустя годы, когда открылись архивы, стали доступными секретные документы и свидетельства очевидцев, мы можем оценить и масштабы незаконных репрессий, и ужас семей, подвергнутых необоснованным мерам «социальной защиты».

А тогда... Отца Юрия исключили из партии за «политическую близорукость»: не разглядел в своем хорошем знакомом затаившегося «врага народа». «Враг народа», действительно, совершил преступление: украл бланк партбилета, за что был сослан в лагерь и там расстрелян.

Спустя шесть месяцев после исключения, Матвея Захаровича восстановили в партии, ограничившись строгим выговором с предупреждением. Однако Юрию на мандатной комиссии сказали: «Твой отец ротозей, и ты, вероятно, будешь таким же. Мы тебе не можем доверить самолет: ты или по неосторожности посадишь его на территории врага, или разобьешь». В одночасье рухнули все надежды.

Однако Юрий не сдавался и вторую попытку осуществить свою мечту стать летчиком предпринял по окончании десятилетки в 1939 г., обратившись в райвоенкомат с просьбой дать направление в авиационное училище. На этот раз просьба была удовлетворена. Прошлое отца или было забыто, или не было принято во внимание. Скорее, второе. На тот момент уже стало очевидным, что война вот-вот начнется и стране потребуются военные специалисты.

21 ноября 1939 г. Юрий был зачислен в Харьковское военное авиационное училище курсантом. Поскольку перед самой войной все военные училища перешли на ускоренные выпуски, вместо положенных трех лет Юрий проучился чуть больше одного года, окончив училище с отличием в звании младшего лейтенанта (приказ Народного комиссара обороны СССР № 05272 от 28 ноября 1940 г.). 23 января 1940 г. он принял военную присягу.

Юрию предложили остаться в училище на преподавательской работе, но он хотел летать и, при поддержке комиссара учебной эскадрильи Буданова, добился направления в боевую часть – 316-й разведывательный авиационный полк, который базировался на аэродроме в г. Проскурове на Украине (ныне Ивано-Франковск). Непосредственно перед войной, в мае 1941 г. полк был передислоцирован на полевой аэродром. Лагерь был очень неудачный: находился в низине, был «мокрый».

22 июня 1941 г. полк подвергся жесточайшему обстрелу немецкой авиацией и был обескровлен. Вся боевая часть была утрачена. Остатки полка направили в глубокий тыл на перевооружение. Юрий получил контузию, результатом которой стало заикание в течение многих лет, правый глаз был поврежден. Чудом было уже то, что Юрий остался жив. Вообще, уже тогда его должны были комиссовать, поскольку летчик должен обладать практически идеальным зрением. А уж не видеть на один глаз – совершенно невыносимая ситуация!

Однако сильное желание летать подсказало Юрию один довольно рискованный шаг. Когда перед выпиской из госпиталя проверяли зрение, сестричка предложила прикрыть правый глаз и читать левым. Юра так и сделал. А когда она предложила закрыть левый глаз, он, сделав определенное движение рукой в воздухе, опять прикрыл правый глаз и читал левым. В результате медики пришли к выводу, что у Юрия «стопроцентное зрение» и он может летать. Для Юрия это было самое главное – он снова в строю.

После выздоровления его направили на Полтавские (в Краснодаре), а затем Довлекановские (близ Уфы) курсы усовершенствования. С большим трудом он смог добиться направления в действующую часть.

Сейчас, когда немалая часть молодых ребят не хотят служить в армии, ищут различные причины уклонения от военной службы, огромное уважение и преклонение вызывает настойчивое желание Юрия и таких же, как он, молодых, двадцатилетних ребят военной поры, служить своей стране, защищать ее, быть Воинами своего Отечества.

Конечно, как вспоминает Юрий Матвеевич, травма, полученная в самом начале войны, не обошлась без последствий: во время службы он далеко не всегда чувствовал себя хорошо, правый глаз «подал в отставку». При выводе машины из пикирования или при резком выраже возникали колоссальные перегрузки, от которых кровь становилась тяжелой, как ртуть, и рвала кровеносные сосуды носа, ушей, глаз. Но он неплохо стрелял, глядя одним глазом, работал аккуратно и качественно.

На начало января 1943 г. Юрий находился в Вольском резервном авиационном полку. В это время в г. Вольск прибыл представитель 48-го авиационного полка дальней разведки Главного командования Военно-Воздушных Сил Красной Армии для подбора кадров. Искал он летчиков по грамотнее. Было отобрано 30 человек, примерно 15 экипажей. В число тех, на кого пал выбор, попал и Юрий Матвеевич.

Вскоре 48-й авиационный полк дальней разведки получил звание гвардейского Нижнеднестровского ордена Суворова. Первоначально часть базировалась в Орехово-Зуеве, а затем был передислоцирован на аэродром Кубинка (Московской области). Именно с этого аэродрома Юрий и начал свою боевую деятельность. Только в конце войны полк перевели в г. Кировоград (Украина).

Летать приходилось на многоцелевом двухместном самолете ПЕ-3, который был задуман как тяжелый истребитель-перехватчик или штурмовик, но оказался слишком тяжел для истребителя и слабо вооружен для штурмовика. Но как дальний разведчик он был удобен, радиус действия самолет имел довольно большой. Летал Юрий и на ПЕ-2 – трехместном пикирующем бомбардировщике. Для увеличения радиуса действия самолета вместо бомб в нем монтировали дополнительные бензобаки.

Полк обслуживал дальней разведкой Главное командование в секторе от Белоруссии на юг, вплоть до Греции. Штаб полка был в Москве, точнее – Кубинке, а эскадрильи находились на разных полевых аэродромах. Третья эскадрилья, в которой служил Юрий, летала в секторе Украины, а затем Болгарии. Впоследствии он осуществлял дальние вылеты на Вену, Прагу, Будапешт, Белград, Бухарест, Братиславу. В конце войны приходилось летать на Адриатическое море, где Юрий впервые вел разведку военно-морских сил Италии. Вот такая география!

Дальняя авиаразведка всегда сопровождалась фотографированием. Сначала доклад о результатах делали в устной форме, а через несколько часов пленки проявлялись, и данные – уже с точностью до одного самолета, вагона, танка – передавались Главному командованию и командованию соответствующего фронта. Собрать сведения для устного доклада было чрезвычайно важно – допустить большое расхождение с документальными материалами разведки считалось недопустимым. Но у Юрия получалось довольно хорошо: его устные доклады в основном подтверждались произведенными снимками. Впоследствии Юрий Матвеевич признался: «Любил я эту работу. Она у меня очень хорошо шла. Очень уж я старался. И если мы летели на длительные маршруты, то я знал назубок любой линейный ориентир, который мне встречался. В случае воздушного боя ориентировку соблюдать очень трудно. А мне удавалось моментально ее восстановить. У нашего экипажа не было ни одного случая, чтобы мы заблудились или сорвали боевое задание... В связи с этим, когда надо было выполнить очень ответственное задание, – посылали нас».

Авиационный полк, в котором воевал Юрий, осуществлял разведку и крупных битв, в частности Сталинградской. Потери полка в этот период были колоссальными. Вообще, по словам Юрия Матвеевича, за все военное время полк потерял три летных состава! Только один летчик из первого состава полка остался в живых – старший лейтенант Баркалов, все остальные погибли.

Юрию довелось непосредственно участвовать в крупных военных операциях второй мировой войны, среди которых особое место занимает Курская битва. В процессе подготовки к сражению он выполнял разведку в секторе Харьков-Полтава-Киев. Добраться до необходи-

мых объектов было крайне затруднительно, поскольку гитлеровцы всеми силами старались не допустить разглашения информации о своих военных объектах и действиях. Ими предпринимались большие усилия по истреблению разведывательной авиации СССР.

За несколько недель до начала Курской битвы летать и вовсе стало невозможно: немцы сбивали каждый второй самолет. Экипаж Юрия Моргунова (командира) и Юрия Ткачевского (штурмана) пересадили на трехместный пикирующий бомбардировщик, добавив к ним Петра Петрова (стрелка-радиста), и они летали под защитой эскадрильи истребителей из шести самолетов. Иначе было невозможно. Это уже была не дальняя, а ближняя разведка. Летать приходилось на небольшой высоте, не выше 3000 м, т. е. в районе досягаемости всех зенитных средств, поэтому пробоин бывало очень много и людские потери были существенные.

В результате успешных действий экипажа Моргунова-Ткачевского-Петрова удалось обнаружить много ценных военных целей: три эшелона с танками, подходившие к Харькову с Запада, колонны бронетехники, автомашины с пехотой, а также штаб крупного танкового соединения. Летчики-разведчики передали координаты немецкого штаба, и мощная штурмовая авиация «разнесла в щепки» это место. На другой день разведчики, пролетая там, поразились тому, сколько сторело военной техники. Каждый день по несколько раз они вылетали и сообщали по радио об обнаруженных целях. Затем возвращались на базу, заправляли самолет горючим и сразу же летели проверять, что за это время сделали штурмовики, после чего по радио докладывали командованию, поражена цель или нет. Если нет – туда направлялась следующая эскадрилья штурмовиков. Тяжелая, напряженная работа!

В июле 1943 г. Юрий стал свидетелем того, как немецкие танковые колонны подтягивались к Прохоровке, где предстояло крупнейшее историческое танковое сражение. О передвижениях немцев летчики-разведчики доложили командованию смешанного авиационного корпуса. В указанное место были направлены штурмовики и бомбардировщики, которые стали наносить удары в основном зажигательными бомбами. Юрий воочию увидел, что представляет собой такая бомба. Зажигательная, или кумулятивная бомба, – это небольшая, весом всего в несколько килограммов, бомба, обладающая, однако, страшной разрушительной силой. Попадая сверху на танк, она прожигает мощную, сорокасантиметровую броню танка. Попав внутрь машины, этот «снарядик» выпускает остатки температурной обработки, под действием которой экипаж мгновенно погибает. Затем вспыхивает и сам танк. Немецкие танки горели, словно спичечные коробки.

Благодаря сведениям, переданным экипажем Моргунова-Ткачевского-Петрова, на подступах к Прохоровке было уничтожено немало танков противника. Сфотографировать саму Прохоровскую битву не представлялось возможным, поскольку сверху были видны лишь облака пыли, дым и огонь. Разобраться, где советские танки, а где немецкие, в таком крошечном аду было нельзя.

В середине июля 1943 г. экипаж был переброшен в Кубинку, и летчики совершили несколько вылетов на северный фронт Курской битвы. Таким образом, Юрию довелось участвовать и на юге, и на севере этой важной, переломной в ходе Великой Отечественной войны битвы.

Во время войны судьба не раз испытывала Юрия. Один из таких случаев он никогда не забудет. Как раз во время Курской битвы командир полка штурмовиков определил его с напарником машине место на самом краю аэродрома, примерно в полутора километрах от штабной землянки. Это объяснялось тем, что одиночную машину немцы, вероятней всего, атаковать не будут, и она останется цела. Разведчиками командир очень дорожил. Такая забота летчикам-разведчикам, с одной стороны, была, конечно, приятна, но, с другой – обременительна, поскольку им приходилось немало побегать: после выполнения задания они мчались к штабной землянке с устным докладом, за это время боевую машину заправляли бензином, после доклада сразу неслись обратно и снова летели на задание.

Однажды, забираясь в машину, Юрий зацепил парашютом за какой-то выступ, и парашют начал распускаться. Лететь без парашюта было невозможно, хотя бы потому, что в сиденье для него было специальное углубление – летчики сидели на парашюте. Бежать за новым значило тащить его на себе три километра – туда и обратно, а вылет срочный. И Юрий попросил техника перетянуть парашют проволокой. Так и полетели, перелетели через Северский Донец, вокруг сплошная облачность, а когда облака кончились, Юрий автоматически оглянулся и с ужасом обнаружил примерно в 300–400 метрах сзади целую эскадрилью «мессершмиттов», которая быстро догоняла летчиков-разведчиков. Открой немцы огонь – сделать ничего было нельзя, к тому же парашют Юрия был неисправен. Шансов на спасение ноль. Летчики приготовились к худшему. Но случилось чудо – немцы их не тронули. Только один из них, пролетая мимо, погрозил кулаком. Чуть позже Юрий понял, почему немцы так поступили. Встреча с немецкой эскадрильей произошла недалеко от Белгорода, где шел напряженный воздушный бой. В небе одновременно находилось около 200 самолетов. Со стороны это напоминало пчелиный рой. То и дело вспыхивали искры и самолеты падали вниз, оставляя за собой черный шлейф дыма. И преследователям надо было вступить в этот бой, поэтому им было не до самолета-одиночки.

С Курской битвой был связан еще один, не менее драматичный случай. За месяц-полтора до начала битвы необходимо было произвести обследование железных дорог и аэродромов в районе Харькова. Юрий с особым трепетом относился к этому городу, в котором ему довелось жить и учиться до войны. На высоте примерно 8000 метров в правый двигатель самолета попал зенитный снаряд, и над самым городом машину начало разворачивать в сторону неработающего двигателя. С огромным трудом летчики смогли «дотянуть» неисправную машину до линии фронта и сели прямым ходом между нашими и немецкими окопами. Выскочив из самолета, разведчики побежали к своим. И, как признается Юрий Матвеевич, они так быстро бежали, что ни немцы, ни наши не успели на это отреагировать. Немцы, спохватившись, открыли огонь только тогда, когда летчики уже буквально ввалились в свой окоп. А ночью с помощью танка неисправный самолет вытащили на свою территорию и отремонтировали. На нем еще долго потом летали...

Вскоре после Курской битвы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1944 г. Ткачевскому Юрию Матвеевичу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 2848). В то время он был лейтенантом. Звание Героя Советского Союза было присвоено и его напарнику – Моргунову Юрию Васильевичу. Об этом летчики узнали, зайдя для доклада о результатах очередного полета. А 23 февраля 1944 г. они прибыли в Москву, где в этот же день им вручили Звезды.

На вручении Звезды Героя Советского Союза с Юрием Матвеевичем произошел курьезный случай. После вручения наград предполагалось групповое фотографирование с М. И. Калининым. Михаил Иванович обратил внимание на высокого, худощавого молодого летчика и пригласил его присесть рядом с ним. Однако один из вышестоящих по званию офицеров не дал Юрию это сделать и место рядом с «Всесоюзным старостой» занял сам. Тогда Калинин предложил Юрию встать непосредственно за его спиной, что он и сделал. Этот снимок до сих пор хранится в домашнем архиве Ткачевских.

В наградном листе Юрия Матвеевича, которым он был представлен к званию Героя Советского Союза и который хранится в Центральном архиве Министерства обороны РФ, описывается еще один случай, хорошо показывающий бесстрашие этого удивительного человека: «24 октября 1943 года при выполнении задания по фотографированию аэродрома Кировоград был атакован тремя истребителями противника, тов. Ткачевский метким огнем сбил одного стервятника, два других истребителя прекратили атаку самолета. В это время тов. Ткачевский почувствовал, что самолет стал неуправляем и находится в пикировании, повернувшись к летчику – увидел, что он лежит на штурвале без сознания и шлем кислородной маски порван. Тов. Ткачевский не растерялся, взял штурвал и вывел самолет из пикирования, повел его на сни-

жение. На высоте 2500 метров летчик очнулся, принял штурвал, а тов. Ткачевский продолжал вести наблюдения. Экипаж задание выполнил и привез ценные данные о противнике».

Здесь же мы находим характеристику Юрия Матвеевича командованием: «В выполнении заданий бесстрашен и смел. Летает уверенно, все задания выполняет точно и в срок. Как штурман подготовлен отлично и свои знания и боевой опыт работы умело передает подчиненным. Лично дисциплинирован, требователен к себе и подчиненным. В выполнении заданий инициативен и сообразителен. Летает на самолетах ПЕ-2, ПЕ-3, общий налет 317 часов. Физически здоров, в полетах вынослив. Строевая выправка хорошая. Среди товарищей пользуется заслуженным авторитетом. Своей боевой работой доказал преданность делу Партии Ленина-Сталина». В то время это было наивысшей похвалой и самым серьезным признанием заслуг перед Отечеством.

Заканчивается представление словами: «За 20 боевых вылетов награжден "Орденом Отечественной войны II степени". За 78 отлично выполненных боевых вылетов по разведке глубокого тыла противника на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом: мужество, отвагу и героизм, командование полка представляет гвардии лейтенанта Ткачевского Ю. М. к высшей правительственной награде – присвоению звания "Героя Советского Союза"». Наградной лист подписан 13 ноября 1943 г. командиром 48 гвардейского авиационного полка дальней разведки гвардии подполковником Садовым и начальником штаба подполковником Струковцом.

В 1944 г. Ю. М. Ткачевский вступил в ряды КПСС.

За подвиги в годы Великой Отечественной войны Юрий Матвеевич награжден орденами «Ленина», «Октябрьской Революции», «Отечественной войны I степени», «Отечественной войны II степени», «Красной Звезды» и 23 медалями.

Юрий Матвеевич участвовал в освобождении Харькова, Киева, в Яссо-Кишиневской битве, Корсунь-Шевченковской операции и других сражениях. Всего им был совершен 151 вылет, из них 79 в дальней разведке, сфотографирована площадь в 42 тысячи квадратных километров, что примерно соответствует площади такого государства, как Дания.

В ночь с 7 на 8 мая 1945 г. его разбудил страшный огонь румынской зенитной артиллерии, которая охраняла аэродром. Это был аэродром под Братиславой. Все выскочили из казарм. Оказалось, что румынские зенитчики уже начали праздновать победу. Расстреляли весь боекомплект!

8 мая 1945 г. Юрий совершил последний боевой вылет – в окрестности Праги. Туда подходили наши танковые войска, и необходимо было разведать для них безопасные дороги. Это был и последний боевой вылет в полку. Но демобилизовался Юрий не сразу: еще год он провел в Вене.

Ранение, полученное в начале войны, давало о себе знать. На первой же медкомиссии Юрий услышал: «Ты преступник! С таким зрением ты ставил под угрозу и напарника, и самолет». Полеты запретили, и командование предложило Юрию штабную работу, направление в военную академию, но он отказался.

К этому времени Юрий выбрал себе новую профессию – юриста. Это не было спонтанным выбором. Принятию такого решения способствовали определенные события, произошедшие в последний год войны. Вот как об этом рассказывает сам Юрий Матвеевич:

«В конце 1944 г. на Полтавском аэродроме, где мы базировались, проходило заседание военного трибунала. Слушали дело дезертировавшего летчика авиационного полка армейской разведки. Я хорошо знал этого человека. Когда во время воздушного боя его самолет подожгли, он очень сильно обгорел. После лечения руки его были стянуты глубокими рубцами, лицо изуродовано шрамами. Мы часто встречались с ним в столовой, и я всегда поражался, как он после случившегося летает. Однажды он не выдержал и дезертировал. Его судили, причем заседатели были не из тех, кто воевал, а тыловики. Показательного процесса не получилось,

потому что летчик сказал: "Да, я подлец, трус. Но какое вы имеете право меня судить? Вы не представляете, какой охватывает ужас, когда тебя атакует истребитель, а я это испытал. Виноват, что не выдержал. Себя очень осуждаю, и если мне поверят, я буду снова летать". Ему назначили наказание с отсрочкой исполнения приговора, и он продолжал воевать. По моим сведениям, этот летчик погиб».

По признанию Юрия Матвеевича, он много думал об этом случае, а также о том, что, с одной стороны, существуют жесткие нормы закона, а с другой – живые, конкретные люди. Через некоторое время Юрия и его напарника пригласили уже в заседатели. Поскольку они успешно справились с этой обязанностью, вызывать их стали довольно часто. Эта работа увлекла Юрия. Именно тогда он окунулся в мир уголовного права. Как он сам впоследствии заметил, «меня захватили логика уголовного закона, его потенциал. Возможности толкования казались очень широкими, и я пришел к выводу, что надо быть очень грамотным человеком, чтобы хорошо разбираться в законах».

Выбор был сделан в пользу юриспруденции, и дальше Юрий уже действовал в привычной ему манере – решительно и без колебаний. Сразу после демобилизации, случившейся лишь в мае 1946 г., он поступил в Московский юридический институт (МЮИ), который окончил в 1950 г. с отличием. В том же году поступил в аспирантуру. В мае 1953 г. досрочно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Уголовная ответственность за хозяйственные преступления в области социалистической промышленности» под научным руководством известного профессора, заведующего кафедрой уголовного права МЮИ Б. С. Утевского. После успешной защиты кандидатской диссертации Юрий Матвеевич был оставлен в МЮИ работать преподавателем кафедры уголовного права.

В 1954 г. МЮИ вошел в состав юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. С этого времени судьба Юрия Матвеевича неразрывно связана с судьбой кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ: с 1954 по 1956 г. он работает ассистентом, с 1956 по 1966 г. – доцентом, с 1966 г. – профессором кафедры.

Впоследствии, по его собственным словам, его неоднократно пытались «сманить» на руководящие должности в различные высшие учебные заведения Министерства внутренних дел, предлагали возглавить кафедру уголовного права Академии МВД, обещая мгновенно сделать полковником, предлагали даже более сложную работу – возглавить Рязанское высшее училище МВД, где обещали звание генерала. Но Юрий Матвеевич от этих и других весьма лестных предложений отказывался, считая своим лишь место в Московском университете.

Именно в стенах университета в 1957 г. он прочитал свою первую лекцию студентам. Для юридической науки этот период был непростым. В 1937 г. в связи с известными историческими событиями изучение в гражданских вузах СССР исправительно-трудового права (ныне – уголовно-исполнительное право) было запрещено, дозволялось изучать лишь соответствующее буржуазное право, которое именовалось «тюрьмоведением». Однако в 1957 г., в связи с общим «потеплением» в стране, стало возможным восстановление чтения лекций по исправительно-трудовому праву и в гражданских учебных заведениях, что и смог осуществить Ю. М. Ткачевский. Он не только одним из первых в СССР прочитал обновленный курс лекций по этому предмету, но и разработал соответствующую учебную программу по нему. Впоследствии Юрий Матвеевич вошел в Комиссию по разработке Основ исправительно-трудового права Союза ССР и союзных республик 1969 г. и Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1970 г. За участие в разработке исправительно-трудовых кодексов Украины, Белоруссии, Киргизии и Узбекистана Президиумы Верховных Советов этих советских республик объявили ему благодарности.

Спустя 30 лет после первой прочитанной им лекции, его лекции по Общей части уголовного права слушала и я. До сих пор у меня хранится тетрадка с конспектами лекций Юрия Матвеевича. Первая страничка датирована 3 сентября 1988 г., тема лекции «Стадии развития пре-

ступления». Лектор Юрий Матвеевич прекрасный! Спокойная речь, выверено каждое слово, никаких слов-паразитов («ну», «как бы» и т. п.), четкое изложение, веская аргументация. Лекции по исправительно-трудовому праву были особенно интересны, их слушали, открыв рты, поскольку нам давался такой «материал», который нигде больше мы услышать не могли: большая часть информации о местах лишения свободы, содержащихся там лицах, а тем более – статистическая информация по-прежнему были малодоступны.

Юрий Матвеевич один из немногих авторов, считавших, что кара – это неперемнная цель и содержание уголовного наказания. Без кары последнее немислимо. По его мнению, карательность наказания заключается в том, что оно в той или иной степени причиняет физические и моральные страдания осужденному, носит принудительный характер, порицает, является позорящим, способно в определенной мере восстановить поправное право, удовлетворить чувство справедливости, способствует искуплению вины, имеет воспитательное значение. Эти мысли Юрия Матвеевича, доведенные до сознания студентов еще в 1988 г., весьма созвучны тем идеям и положениям, которые нашли свое закрепление в ст. 43 действующего Уголовного кодекса РФ, в частности о восстановлении социальной справедливости посредством уголовного наказания.

В мае 1966 г. Юрий Матвеевич защитил докторскую диссертацию на тему «Освобождение от отбывания наказания по действующему советскому уголовному праву».

В 1967 г. ему присвоено ученое звание профессора. Юрий Матвеевич стал первым профессором нового поколения кафедры уголовного права МГУ после долгого перерыва. До него профессорами становились лишь В. Д. Меньшагин и Н. Д. Дурманов.

Юрий Матвеевич стоял у истоков известной телепередачи «Человек и закон», ведущим которой с 1996 г. стал А. В. Пиманов. В 1974 г. руководство Гостелерадио СССР обратилось на юридический факультет МГУ с просьбой помочь в организации и проведении цикла передач с условным названием «Человек и закон». В то время подобных передач на телевидении не было. О существовании преступности в СССР говорить было не принято. В силу особой важности задания именно Ю. М. Ткачевскому партбюро факультета поручило организовать такую передачу и выступить в роли ее ведущего. Юрий Матвеевич попросил выделить ему квалифицированного помощника. Такой помощник был найден. Им стал доцент, кандидат юридических наук (ныне профессор, доктор юридических наук) Г. Н. Борзенков. К тому времени Геннадий Николаевич уже имел опыт работы в издательстве, поэтому стал первым редактором передач. Каждый раз программа передачи согласовывалась и утверждалась на партбюро факультета. Ю. М. Ткачевский провел в качестве ведущего первые 18 передач цикла.

Первоначально продолжительность передачи была весьма скромной: всего 10–15 минут в прямом эфире. На экране появлялся Герой Советского Союза, профессор Ю. М. Ткачевский и объявлял очередную передачу. После небольшого вступительного слова ведущего оно предоставлялось гостю – профессору МГУ для небольшой лекции на определенную правовую тему. Гостями передачи в разное время были профессора А. И. Денисов, В. П. Грибанов, Д. Л. Златопольский. Но для того времени даже такой «формат» передачи, адресованной в первую очередь широкому кругу населения, имел большое воспитательное и информационное значение. Само название передачи имело глубокий смысл: поиск ответа на вопрос «человек для закона или закон для человека?»

Впоследствии были выделены профессиональный редактор и съемочная группа. Существенно изменился формат передачи. Она стала идти в записи, ее продолжительность была увеличена до часа, оживилась сама форма проведения: стали использоваться кино- и фотоматериалы, записи интервью и диалогов. Гостем одной из передач стал юрист, автор детективов и сценарист А. А. Безуглов, который и принял от Юрия Матвеевича эстафету ведущего и работал им вплоть до 1979 г., когда его в этом качестве сменил М. М. Бабаев, ставший бессменным ведущим передачи до 1991 г.

В течение десяти лет (с 1976 по 1987 г.) Ю. М. Ткачевский возглавлял кафедру в качестве ее заведующего. Этот период старшие преподаватели вспоминают с улыбкой и называют «юрским периодом». На кафедре установилась благоприятная атмосфера, наиболее теплые человеческие отношения между ее членами. В качестве заведующего кафедрой Юрий Матвеевич проявлял исключительную доброжелательность, готовность помочь молодым коллегам. Много усилий он прилагал к тому, чтобы оживить учебные программы, внести разнообразие в спецкурсы. Количество последних значительно увеличилось. Сам он читал по очереди с Г. Н. Борзенковым спецкурс «Преступления против собственности».

Ю. М. Ткачевский являлся членом Научно-консультативного совета Прокуратуры СССР, членом Научно-консультативного совета Верховного Суда РСФСР, членом Координационного бюро по делам законности и организации борьбы с преступностью Совета «Закономерность развития государства, управления и права» АН СССР, членом Совета по правовой пропаганде при Министерстве юстиции СССР, членом Экспертного совета ВАК СССР, а затем Российской Федерации. В настоящее время Юрий Матвеевич – член Научно-консультативного совета Верховного Суда РФ и член Диссертационного совета по защите докторских диссертаций юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Председатель Совета ветеранов юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Он – автор более 220 научных и учебно-методических работ, из них 11 монографий, 36 учебников по уголовному и уголовно-исполнительному праву (в соавторстве). Под его руководством подготовлены и защищены 21 диссертация по уголовному праву и 2 – по уголовно-исполнительному.

В 2000 г. Ю. М. Ткачевскому было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Он является Заслуженным профессором МГУ.

В 2005 г., в год 250-летия Московского университета, Юрий Матвеевич награжден высшей наградой МГУ – «Звездой Московского университета», которую он считает одной из самых дорогих и значимых в своей жизни. Эта награда была учреждена к юбилею МГУ и выражает признание заслуг лауреата перед обществом в развитии науки, образования и культуры. Она вручается выдающимся выпускникам Московского университета, а также общественным, научным и государственным деятелям, которые внесли весомый вклад в развитие вуза и университетской науки. Первыми лауреатами «Звезды», кроме Юрия Матвеевича, стали ректор МГУ В. А. Садовничий, мэр г. Москвы Ю. М. Лужков, известный философ и писатель А. А. Зиновьев, трехкратная олимпийская чемпионка по синхронному плаванию МА. Киселева и другие достойные люди.

После вручения «Звезды» растроганный Юрий Матвеевич сказал собравшимся в актовом зале главного здания университета: «Героем Советского Союза я стал в 44 году, а до этой награды, как видите, шел пятьдесят лет...». Действительно, есть что-то очень знаковое, символическое в том, что Ю. М. Ткачевский был награжден двумя «Звездами» – высшими наградами: военной и научной. Это справедливая и заслуженная оценка его достижений в двух важнейших для него областях. И тому, и другому делу он отдавался без остатка, был предан до конца, науке он остается верен до сих пор.

В 2009 г. Юрий Матвеевич стал лауреатом юридической премии «Фемида» в номинации «Поколение» за семейную преемственность в выборе юридической профессии, а также большой вклад в научную и преподавательскую деятельность. Данная ежегодная премия была учреждена в 1996 г. Московским клубом юристов и Ассоциацией юристов России. Ее лауреатами становятся российские и зарубежные юристы, государственные и общественные деятели, внесшие большой вклад в развитие правового государства и гражданского общества.

В одном из интервью Юрий Матвеевич признался: «Я люблю работать с людьми, убеждать их в своей правоте, доносить знания до слушателей. Кроме того, преподавательская работа дает возможность писать, заниматься научными изысканиями».

Он много пишет, несмотря на не очень хорошее зрение. В его голове всегда проекты каких-нибудь научных статей. Его интересуют все последние изменения уголовного и уголовно-исполнительного законов, которые, к сожалению, не всегда обоснованны и системны. Он бодр и подтянут. Его слово веско и мудро. Он человек, обладающий прекрасным и тонким чувством юмора, умеющий сделать комплимент, поддержать в трудную минуту. Увлекается классической музыкой и живописью. С ним общаться легко и интересно, разница в возрасте абсолютно не чувствуется...

... В одном из разговоров Юрий Матвеевич неожиданно спросил меня:

– А знаешь, сколько осталось Героев?

– Сколько? – спросила я.

– 150 человек из трех с половиной тысяч после войны...

Уважаемый, дорогой, любимый Юрий Матвеевич, спасибо Вам за то, что Вы есть, за возможность работать с Вами, за сопричастность Вашей судьбе. Дай Вам Бог крепкого здоровья, долгих лет жизни, творческих успехов, бодрости и оптимизма, а нам – долгих лет радости общения с Вами.

*Доктор юридических наук, профессор
Н. Е. Крылова*

Не зря жил и живу...

Летом 1933 г. в двух-трех километрах от города Ливны совершил вынужденную посадку небольшой биплан. Он мне показался чудом техники, и я твердо решил стать летчиком. Для реализации своей мечты я усиленно стал заниматься спортом. Летом 1936 г. на спартакиаде школьников Курской области я занял первое место в плавании вольным стилем на 100 метров. В 1939 г. я обратился в военкомат с просьбой направить меня в авиационное училище, и вскоре был зачислен в Харьковское военное авиационное училище. Страна готовилась к войне, и поэтому училище осуществило ускоренный выпуск в декабре 1940 г., и я – младший лейтенант был направлен в разведывательный авиационный полк, базировавшийся на аэродроме в г. Проскурове (Украина).

В мае 1941 г. полк был передислоцирован на полевой аэродром, и ранним утром 22 июня подвергся нападению немецкой авиации. Остатки полка были направлены в глубокий тыл на перевооружение, а я – на повышение квалификации.

Надо отметить, что утром 22 июня 1941 г. немецкая авиация уничтожила почти половину наших самолетов, базировавшихся на приграничных аэродромах; отметим, кстати, и то, что около 50 % из них были устаревшими, не пригодными к войне. Это привело к тому, что летных кадров стало больше, чем самолетов. Отметим и то, что накануне войны в стране усилилась подготовка авиаторов, многие из которых, как и я, прошли ускоренную подготовку.

Этот кадровый запас авиаторов был весьма важен в связи с насыщением фронта новой боевой техникой. Кстати, к концу войны в фашистской Германии самолетов выпускали больше, чем подготовленных летчиков. Да и качество обучения этих летчиков было плохим. К тому же их боевой дух был низок.

Я попал в сеть курсов усовершенствования, из которой, несмотря на все попытки, вырваться не мог. И лишь в январе 1943 г. был направлен в 48-й гвардейский авиационный полк дальней разведки главного командования, который базировался в то время в Орехово-Зуеве. Вскоре он перебазировался на аэродром Кубинка, и лишь к концу войны нас перевели в г. Кировоград (Украина).

В основном полк осуществлял свою работу отдельными эскадрильями усиленного состава. Я попал в третью эскадрилью, которой командовал великолепный человек – майор Андрианов, заботившийся о летном составе как родной отец. Летали мы на многоцелевых двухместных самолетах ПЕ-3, которые планировались как тяжелые истребители-перехватчики или пикирующие бомбардировщики. Этот самолет был почти точной копией немецкого мессершмитта 110.

Летали мы и на ПЕ-2 – трехместных пикирующих бомбардировщиках. Для увеличения радиуса действия на этом самолете вместо бомб были вмонтированы добавочные бензобаки. На этом самолете я и завершил свою боевую деятельность.

Потерпев сокрушительное поражение зимой 1942–1943 гг. под Сталинградом, командование немецко-фашистских войск стремилось к реваншу. С этой целью оно стало усиленно готовиться к захвату Курска. Наша страна в свою очередь прилагала усилия к срыву этого плана и дальнейшему разгрому немецко-фашистских войск.

Прежде всего, необходимо отметить грандиозный авиационный бой над Кубанью летом 1943 г., в котором наша авиация сломила господство немецкой авиации в воздушном пространстве.

Наша эскадрилья базировалась на полевого аэродроме села Ново-Деркуль примерно в 100 км восточнее г. Харькова. Мы в основном осуществляли авиационную разведку в секторе Харьков-Белгород.

В конце июня 1943 г. значительно активизировалась истребительная авиация противника с целью воспрепятствования нашей авиационной разведке. Мы несли большие потери. Тогда было принято решение выделить экипаж одного самолета-разведчика для полетов под прикрытием эскадрильи истребителей. Выбор пал на экипаж в составе Юрия Моргунова, меня и стрелка-радиста Петра Петрова. Летать под такой охраной было приятно. Нас ни разу не атаковали немецкие истребители. Но так как пришлось летать на высоте 3–3,5 км, то зенитная артиллерия противника свирепствовала. Мы совершили до 10 таких вылетов. Обнаружили немалое число важных для разведки объектов, в том числе штаб значительного танкового соединения, которое впоследствии разгромили тяжелой авиацией. Зафиксировали мы и несколько железнодорожных эшелонов с военной техникой на подходе к Харькову.

Отмечу вкратце соотношение наших вооруженных сил и сил противника.

К битве были готовы с нашей стороны: 1 300 000 солдат и офицеров; 3 000 танков, 3 430 самолетов, 20 000 орудий и минометов. Это составляло 26 % от общей численности войск нашей страны, 33 % от общей численности самолетов и 40 % танков.

На стороне противника было 200 000 солдат и офицеров, 2 700 танков (из них было 500 тяжелых танков «тигр», «пантера» и самоходных орудий «фердинанд» (у нас к тому времени тяжелых танков не было), 10 000 орудий и минометов.

В конце июня 1943 г. наша авиация совершила 4 массовых налета на аэродромы противника, уничтожив при этом 500 самолетов. Мы потеряли при этом 200 самолетов.

5 июля 1943 г. наш экипаж на рассвете перебросили на аэродром самолетами-штурмовиками. Мы должны были отыскивать танковые колонны противника, переправы через речку Северный Донец и иные цели, сообщать об этом по радио командованию штурмовой и бомбардировочной авиации, а затем определять результаты их боевой деятельности. Более двух недель мы совершали по 3–4 вылета на разведку. Было приятно, радостно фиксировать разгромленные авиацией колонны мотопехоты и танков, аэродромы со сгоревшими самолетами и иные уничтоженные и поврежденные военные объекты противника.

Особенно важно было отслеживать подход танковых частей противника к Прохоровке, под которой 12 июля 1943 г. произошла самая грандиозная танковая битва за всю вторую мировую войну. Фашисты бросили в битву 700 танков (из них 100 тяжелых). С нашей стороны в битве участвовало 800 танков (в основном Т-34 – лучшие среди танков того времени). Немецкая армия была разгромлена. 400 их танков были уничтожены.

Мы видели эту битву, в деталях которой с воздуха разобраться было невозможно. Поле боя было скрыто пылью, дымом и огнем горевших танков.

В середине июля наш экипаж перебросили на аэродром Кубинка, и мы осуществляли разведку – летали на северный край Курской битвы, которая завершилась 23 августа 1943 г.

Наш экипаж участвовал в освобождении Харькова, Киева, Яссо-Кишеневской битве, Корсунь-Шевченковской операции, полетах над Будапештом, Веной, Прагой. К концу войны мы летали из-под Братиславы на портовые города Адриатического моря (например, Триест) с целью разведки остатков военно-морских сил противника.

Дальняя авиационная разведка всегда сопровождалась фотографированием. По возвращении из полета я сообщал о моих визуальных наблюдениях. Затем через 1–2 часа приносили фотопланшеты, которые анализировали специалисты, и наше командование получало сведения с точностью до одного самолета, его типа, до каждого зенитного орудия и их калибра (их труднее всего было установить визуально).

Особенно важно было фотографирование рубежей обороны противника. На фотопланшетах можно было определить все замаскированные огневые точки.

По моим подсчетам я сфотографировал площадь, равную 42 тыс. кв. км, что равнозначно территории Дании.

4 февраля 1944 г. мне и моему напарнику Юрию Моргунову было присвоено звание Героя Советского Союза. Наш стрелок-радист Петр Петров погиб во время воздушного боя летом 1944 г. За участие в боях меня наградили орденами «Ленина», «Отечественной войны I степени», «Отечественной войны II степени», «Красной Звезды» и 23 медалями.

Последний боевой вылет я совершил 8 мая 1945 г. на Прагу для определения путей подхода наших танков в этот город. Это, кстати, был последний боевой вылет нашего полка.

После окончания войны наш полк был дислоцирован на аэродроме г. Коломыя (Украина). Несколько лет назад он был ликвидирован.

По состоянию здоровья я демобилизовался в мае 1946 г. и поступил на учебу в Московский юридический институт, окончил его с отличием и был принят в аспирантуру. В мае 1953 г. я досрочно защитил кандидатскую диссертацию и стал преподавать уголовное, а затем и уголовно-исполнительное право. Защитил докторскую диссертацию в 1966 г. В 1967 г. мне было присвоено звание профессора. В 1993 г. мне присвоили звание заслуженного профессора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

В течение 10 лет был заведующим кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ (1976–1986 гг.). В 1980 г. награжден орденом Октябрьской революции.

В 2000 г. мне присвоили звание «Заслуженный деятель науки РФ».

Более 30 лет я являюсь членом научно-консультативного совета Верховного Суда РФ.

В 2004 г. моя фамилия была включена в энциклопедический словарь «Великая Россия. Имена».

В феврале 2009 г. удостоился высшей юридической премии «Фемида» за 2008 г.

Моя жена Нина Семеновна и я создали династию юристов: дочь – Т. Ю. Орешкина – профессор Московской государственной юридической академии; ее муж окончил Московскую консерваторию, а затем, по моему совету, Академию МВД, полковник запаса, бывший начальник Бутырского следственного изолятора.

Внучка Е. Г. Афанасьева – доцент юридического факультета МГУ. Внучка М. Г. Долгих – старший преподаватель юридического факультета РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина.

Старшая правнучка Е. Афанасьева – студентка III курса юридического факультета МГУ.

За годы моей работы на юридическом факультете МГУ я опубликовал более 220 печатных работ. Из них 11 монографий, 36 учебников по уголовному и уголовно-исполнительному праву (в соавторстве), 25 брошюр.

В 1937 г. был наложен запрет на изучение в гражданских вузах исправительно-трудового права (ныне – уголовно-исполнительное право), так как исполнение уголовных наказаний стало регламентироваться лишь секретным законодательством.

В 1957 г. я в Москве и А. Л. Ременсон в Томске восстановили чтение лекций по этому предмету в гражданских высших учебных заведениях.

Подводя итог, отмечу, что постоянно стремился к какой-то генеральной цели в своей деятельности, работал много и упорно. И то, что я осуществлял, радовало меня. Причем это относилось как к военной службе, так и к последующему труду преподавателя и научного работника в юриспруденции. Мои усилия влились в общенародную борьбу с фашизмом, являлись одним из кирпичиков грандиозного Дня Победы над врагом человечества и мирной жизни, труда по восстановлению страны после войны и в дальнейшем ее развитии.

Сальдо положительное. Не зря жил и живу...

Часть I

Монографии

Давность в советском уголовном праве²

Глава 1

Понятие давности в советском уголовном праве

Давность привлечения к уголовной ответственности и давность исполнения обвинительного приговора наделены рядом общих признаков. Прежде всего, эти виды давности предполагают истечение определенных сроков, после чего при наличии иных, установленных в законе, условий лицо или не привлекается к уголовной ответственности, или же состоявшийся обвинительный приговор не приводится в исполнение.

В данной работе предпринята попытка доказать, что и материальное основание обоих видов давности однородно – отпадение или существенное уменьшение общественной опасности лица.

Таким образом, можно выделить родовое понятие давности, охватывающее давность привлечения к уголовной ответственности и давность исполнения обвинительного приговора.

Вместе с тем между этими институтами имеются и отличия, основное из которых заключается в том, что в одном случае виновное лицо освобождается от уголовной ответственности, а в другом – от исполнения обвинительного приговора.

Вопрос об основаниях освобождения лиц, совершивших преступление, от уголовной ответственности или исполнения обвинительного приговора вследствие истечения сроков давности не нашел единообразного разрешения. Так, в Комментариях к УК УССР 1922 г. отмечалось, что «мучения совести и постоянный страх, который переживает преступник в течение всего давностного срока, составляет достаточное искупление вины: давности являются как бы эквивалентом наказания».³ Подобный вывод представляется ошибочным. Нет никаких оснований для отождествления наказания с теми «мучениями совести и постоянным страхом», которые, по мнению авторов комментария, испытывают преступники.

Ряд юристов обосновывают освобождение от уголовной ответственности или исполнения обвинительного приговора тем, что по истечении сроков давности отпадает общественная опасность деяний.⁴ Это неверно. Общественная опасность деяния может измениться с изменением обстановки (ст. 43 Основ), но не в результате истечения каких-либо сроков давности. Общественная опасность преступления определяется к моменту совершения преступления, и истечение времени без изменения обстановки не влияет на эту оценку.⁵

² © Издательство Московского университета. М., 1978. Публикуется в сокращенном варианте.

³ Уголовный кодекс советских республик, текст и постатейный комментарий. Киев, 1924, с. 75.

⁴ См.: *Трайнин А. Н.* Уголовное право, ч. Общая. М., 1929, с. 468; *Герцензон А. А.* Уголовное право, ч. Общая. М., 1948, с. 265; *Слуцкий И. И.* Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Изд-во ЛГУ, 1956, с. 11; *Фефелов П. А.* Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право, 1970, № 11, с. 105.

⁵ См.: *Загородников Н. И.* Давность уголовного преследования и ее сроки // Социалистическая законность, 1967, № 2, с. 33; *Мивениерадзе П. Я.* Институт давности в советском уголовном праве. Автореф. канд. дис. М., 1967, с. 2; *его же.* Институт давности в советском уголовном праве. Тбилиси, 1970, с. 67; *Келина С. Г.* Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., «Наука», 1974, с. 200.

До тех пор пока не изменился закон, устанавливающий ответственность за то или иное преступление, общественная опасность этого преступления в принципе одинакова (независимо от того, когда оно совершено. Например, в этом году или десять лет тому назад). Иначе и быть не может, если санкция нормы, определяющая в общем плане общественную опасность преступления, остается неизменной.

Рассматриваемая точка зрения неприемлема, как вполне обоснованно замечает В. Е. Смольников при оценке оснований давности исполнения обвинительного приговора. «Вступивший в законную силу приговор констатирует, что осужденным совершено преступление. Эта оценка действия виновного дается судом от имени государства, и никто не вправе утверждать иного, пока приговор остается в силе».⁶

Относительно распространенной является иная точка зрения: в основе применения давности положена нецелесообразность назначения или исполнения наказания.⁷

Сторонник этой точки зрения П. А. Фефелов пишет: «Основным критерием для установления институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания является целесообразность, которой руководствуется законодатель при установлении уголовно-правовых норм».⁸

В общем плане этот вывод верен. Действительно, если бы отсутствовала целесообразность, то институт давности не регламентировался бы законом. Но сама по себе целесообразность не существует как абсолютная и ничем не определяемая категория. Целесообразность мыслима лишь при наличии каких-то объективных критериев, положенных в ее основу. И тут мы вновь возвращаемся к исходным позициям: что же лежит в основе применения давности?

В основе применения давности привлечения к уголовной ответственности лежат, как полагают отдельные юристы, обстоятельства процессуального характера. Они считают, что с течением времени утрачиваются вещественные и иные доказательства, в сознании свидетелей сглаживаются детали преступления и т. д.⁹ Несомненно, что со временем в памяти свидетелей могут тускнеть факты, доказательства могут утрачиваться и т. д. Но все это не может влиять на давность. Можно представить себе не редкий случай, когда ни одно из доказательств совершения преступления после истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности не утрачено. Однако на вопрос применения давности это повлиять не может. Если установленные в законе сроки истекли, то, несмотря на наличие неопровержимых доказательств совершения преступления, будет применена давность привлечения к уголовной ответственности.¹⁰ Отсутствие доказательств не является основанием для применения института давности. В подобных случаях, как отмечает Р. Д. Рахунов, «надо продолжать следствие, изыскивая новые возможности, а не сдавать позиции, не отказываться от преследования преступника».¹¹ «Если виновность лица установить невозможно, – пишет В. Е. Смольников, – то нельзя прекращать дело за давностью, применение которой допустимо только тогда, когда бесспорно доказана виновность лица в совершении преступления. Следовательно, существование института давности в нашем законодательстве нельзя объяснить соображениями процессуального харак-

⁶ Смольников В. Е. Давность в уголовном праве, с. 10; Келли С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности, с. 200–201.

⁷ См., например: Мивениерадзе П. Я. Институт давности в советском уголовном праве, с. 70, 74.

⁸ Фефелов П. А. Понятие и система принципов советского уголовного права. Свердловск, 1970, с. 46–47; Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности, основные методологические проблемы. М., «Юридическая литература», 1972, с. 32.

⁹ См., например: Советское уголовное право, ч. Общая. М., Госюриздат, 1959, с. 340; Советское уголовное право, ч. Общая. М., Госюриздат, 1962, с. 313.

¹⁰ В некоторых буржуазных странах давность уголовного преследования регламентирована нормами уголовного процесса. См., например, § 250 и др. Устава уголовного судопроизводства Японии.

¹¹ «Известия», 1968, 23 янв.

тера. Аргументы такого рода совершенно неприемлемы, когда речь идет о давности исполнения обвинительного приговора, когда вина осужденного доказана».¹²

В юридической литературе встречается мнение о «комплексном», «комбинированном» характере институтов давности. Так, Б. А. Галкин полагает, что давность совмещает признаки уголовно-правовые и процессуальные. Вследствие этого, по его мнению, трудно отнести давность к той или иной отрасли права.¹³ Эту точку зрения разделяет и Н. Д. Дурманов: «Однако нельзя отрицать известной двойственности положений закона о давности освобождения от наказания и погашения судимости. Например, давность, предусмотренная ст. 48 УК РСФСР, с одной стороны, означает освобождение от наказания, что относится к уголовному праву. С другой стороны, исключается возможность привлечения к уголовной ответственности и какого-либо производства по делу, в частности возбуждения уголовного дела за истечением сроков давности, что относится к уголовно-процессуальному праву (п. 3 ст. 5 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 г.).

Таким образом, нормы о давности, будучи в основном нормами материального уголовного права, вместе с тем имеют существенные черты уголовно-процессуального права. Этим в значительной мере объясняются особенности их действия во времени».¹⁴ В. Е. Смольников согласен с Н. Д. Дурмановым по рассматриваемому вопросу.¹⁵

Несомненно, что уголовное право и уголовный процесс взаимосвязаны. Ибо, как отмечает М. С. Строгович, «уголовно-процессуальное отношение служит средством установления уголовно-правового отношения».¹⁶ Следовательно, уголовно-правовые установления реализуются в особом порядке, установленном уголовным процессом. Но это не означает, что давность – институт материального права – хотя бы частично регламентируется уголовным процессом.

Основания уголовной ответственности определены уголовным законом – ст. 3 Основ. Это предопределяет возможность установления и оснований освобождения от нее только уголовным законом. Вместе с тем ст. 46 Основ регламентирует освобождение от отбывания наказания. Это также (кроме амнистии и помилования) компетенция уголовного права.¹⁷

Таким образом, основания применения давности носят материальный характер, вследствие чего этот институт регламентируется уголовным правом.

Широко распространена точка зрения, согласно которой основанием освобождения от уголовной ответственности и наказания является отпадение или существенное уменьшение общественной опасности лица, доказанное надлежащим поведением. Так, В. Д. Филимонов пишет: «...давность базируется не на истечении срока, а на том, что за это время виновное лицо не совершило действий, свидетельствующих об его общественной опасности».¹⁸

Б. С. Никифоров также полагает, что нецелесообразность привлечения к уголовной ответственности определяется главным образом обстоятельствами, относящимися к личности виновного.¹⁹ В. П. Малков рассматриваемый вопрос решает отсутствием преемственности противоправного поведения.²⁰

¹² См.: Смольников В. Е. Давность в уголовном праве, с. 15.

¹³ См.: Галкин Б. А. Единство Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. – В сб.: Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М., Госюриздат, 1959, с. 114–115.

¹⁴ Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон, с. 33.

¹⁵ До этого, как нам кажется, В. Е. Смольников, отрицал правомерность такого решения вопроса (см.: Смольников В. Е. Давность в уголовном праве, с. 28–29, 15).

¹⁶ Курс советского уголовного процесса. М., Госюриздат, 1958, с. 50.

¹⁷ Точные границы между уголовным правом и уголовным процессом установлены не полностью. Такой институт материального (уголовного) права, как освобождение от наказания по болезни, в большинстве республик регламентирован УПК (за исключением Эстонской, Латвийской и Литовской ССР).

¹⁸ Филимонов В. Д. О давности уголовного преследования по уголовному праву. – «Учен. зап. Томск, ун-та», 1957, № 33, с. 108.

¹⁹ См.: Никифоров Б. С. Освобождение от уголовной ответственности и наказания // Социалистическая законность, 1960,

Приведенные высказывания в основном правильно отражают ту основу, на которой базируется институт давности – отпадение или существенное уменьшение общественной опасности лица. Этот вывод следует из содержания ст. ст. 41 и 42 Основ.²¹

Так, в соответствии с ч. III ст. 41 Основ течение давности прерывается, если до истечения указанных в законе сроков лицо совершит новое преступление, за которое по закону может быть назначено лишение свободы на срок свыше двух лет. В части IV указано, что течение давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, скроется от следствия или суда. Указанные в законе обстоятельства свидетельствуют о сохранении или даже увеличении общественной опасности лица, вследствие чего давность или прерывается, или приостанавливается. Об оценке общественной опасности лица говорит и ч. V ст. 41 Основ, в соответствии с которой вопрос о применении давности к лицу, совершившему преступление, за которое по закону может быть назначена смертная казнь, разрешается судом. То же самое можно отметить и при анализе ст. 42 Основ. Течение давности исполнения обвинительного приговора прерывается, если осужденный уклонился от отбывания наказания или совершит до истечения сроков новое преступление, за которое судом назначено наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года, ссылка или высылка на срок не менее трех лет. Следовательно, и при давности исполнения обвинительного приговора в основу положено или отпадение общественной опасности лица, или же существенное ослабление этой опасности.

Изменение общественной опасности лица оценивается законом в общем виде. И лишь обстоятельства, прерывающие или приостанавливающие давность, влияют на ее применение. Вследствие этого оценка конкретного поведения лица вне обстоятельств, прерывающих или приостанавливающих давность, не подлежит учету. Исключение составляют случаи применения давности к лицу, совершившему преступление, за которое по закону может быть назначена смертная казнь. В этом случае суд с учетом обстоятельств, характеризующих содеянное, последующего поведения лица и т. д., оценивает конкретные факты и на основе такой оценки решает вопрос о применении или неприменении давности (ч. V ст. 41 Основ). Аналогично решается вопрос о давности исполнения приговора к смертной казни (ст. 42 Основ). Следовательно, неточными являются встречающиеся утверждения о том, что давность применяется лишь тогда, когда виновное лицо в течение давностного срока вело «безукоризненный трудовой образ жизни»,²² «занималось общественно полезным трудом», вело себя примерно.

Применение давности обусловлено и тем, что запоздалое наказание, примененное через значительное время после совершения преступления, становится вследствие отпадения общественной опасности лица несправедливым. Оно превращается в необоснованный акт возмездия, в неразумную месть.²³

Привлечение к уголовной ответственности или исполнение обвинительного приговора после истечения сроков давности противоречит принципам советского уголовного права и уголовно-правовой политике.²⁴

Однако было бы ошибочным полагать, что освобождение от уголовной ответственности и наказания базируется только на отпадении общественной опасности виновного лица.

№ 1, с. 16.

²⁰ См.: Малков В. П. Повторность проступка и уголовная ответственность. Изд-во Казанск. ун-та, 1968, с. 71.

²¹ См., например: Игнатов А. Н. Давность в советском уголовном праве. – В кн.: Курс советского уголовного права, ч. Общая, т. III. М., «Наука», 1970, с. 281; Смольников В. Е. Давность в уголовном праве, с. 16 и др.

²² Советское уголовное право, ч. Общая. М., 1952, с. 390.

²³ Уголовный кодекс союзных республик, текст и постатейный комментарий. М., 1924, с. 75.

²⁴ См.: Меньшагин В. Д. Основные принципы применения наказания по советскому уголовному праву. – В сб.: Применение наказания по советскому уголовному праву. М., Изд-во Моск. ун-та, 1958, с. 3–17.

При решении этого вопроса нельзя забывать и иные цели наказания: общее предупреждение и кару.²⁵

Некоторые юристы, например Б. С. Утевский, полагают, что истечение сроков давности затрудняет возможность достижения цели общего предупреждения.²⁶ На наш взгляд, вывод представляется правильным. Большой промежуток времени между преступлением и уголовно-правовой реакцией на него не окажет необходимого общепредупредительного воздействия.

Ю. Н. Емельянов придерживается иной точки зрения. Цель общего предупреждения достигается и при истечении сроков давности и реализуется неотвратимостью «разоблачения факта преступления».²⁷

Вывод Ю. Н. Емельянова спорен. Как правило, об освобождении лица от уголовной ответственности и наказания широкие слои населения ничего не знают. Поэтому факт «разоблачения преступления» имеет ограниченное воспитательное воздействие. Что касается цели кары, то ее достижение после истечения сроков давности неразумно. При применении института давности мы имеем дело с лицом, общественная опасность которого или вовсе отпала, или существенным образом уменьшилась. Необходимость в наказании такого лица отпадает. Нельзя забывать и того, что кара не только является целью наказания виновного, но одним из средств его исправления или перевоспитания. Последнее в большинстве случаев составляет основу применения кары. При исправлении лиц отсутствует необходимость в воспитательном воздействии на него путем реализации карательной сути наказания. Особую позицию по рассматриваемому вопросу занимает П. Я. Мшвениерадзе: «По нашему мнению, основанием давности по советскому уголовному законодательству является нецелесообразность применения наказания в отношении лица, совершившего преступление, если со дня совершения преступления прошло более или менее продолжительное время. Применение наказания при таком положении вещей не может служить ни целям общего предупреждения, ни целям специального предупреждения».²⁸ Представляется, что, подчеркивая в качестве основы применения давности нецелесообразность применения наказания вследствие истечения сроков давности, П. Я. Мшвениерадзе приходит к выводу о том, что запоздалое наказание не может способствовать достижению целей наказания. Собственно говоря, этим и предопределяется институт давности.

Подводя итоги сказанному, в самом общем виде родовое понятие давности можно определить как *истечение определенных сроков, исключаящих при наличии указанных в законе обстоятельств уголовную ответственность (осуждение) или исполнение назначенного судом наказания.*

Существует мнение о необходимости придать давности факультативный характер. Так, К. К. Вавилов полагает, что ст. ст. 48 и 49 УК должны предусматривать сроки, по истечении которых вопрос об уголовной ответственности или давности исполнения обвинительного приговора должен решаться по усмотрению органа, в производстве которого находится дело.

Это предложение вызывает возражения. Прежде всего, предоставление решения вопроса о давности не только суду, но и органам дознания, следствия, на наш взгляд, неприемлемо. В подобном случае виновность или невиновность лица, в отношении которого решается вопрос о привлечении к уголовной ответственности, должна будет устанавливаться не судом, а тем органом, который ведет следствие или дознание. Этот же орган будет необоснованно уполномочен

²⁵ См.: *Неиов Иван*. Наказательно право Народна Република България, ч. Общая. Изд. 2-е. София, 1972, с. 518.

²⁶ Советское уголовное право, ч. Общая, с. 340; *Фефелов П. А.* Неотвратимость наказания – важнейший принцип советского уголовного права. Автореф. канд. дис. Свердловск, 1965, с. 13.

²⁷ *Емельянов Ю. Н.* Основные вопросы освобождения от дальнейшего отбывания наказания по советскому уголовному праву. Автореф. канд. дис. Свердловск, 1967, с. 15.

²⁸ *Мшвениерадзе П. Я.* Институт давности в советском уголовном праве, с. 70.

давать оценку личности, на основе чего предполагается применение или неприменение давности. Вместо четкого, стабильного института предлагается введение оценочной категории, не базирующейся на каких-либо объективных, заранее установленных законом критериях. Произвол и ошибки при предлагаемой К. К. Вавиловым регламентации юридической природы не исключены.

Вероятно, и передача решения вопроса о каждом конкретном случае давности на усмотрение суда также нецелесообразна. Это загрузит суды излишней работой.

Глава 2

Давность привлечения к уголовной ответственности

§ 1. История развития уголовного законодательства о давности привлечения к уголовной ответственности

Первый декрет о суде²⁹ предоставил местным судам право при разрешении уголовных дел руководствоваться материальными и процессуальными законами свергнутых правительств, но лишь постольку, поскольку таковые не были отменены и не противоречили революционной совести и революционному правосознанию (ст. 4).³⁰ В примечании к ст. 5 отмечалось: отмененными признаются все законы, противоречащие декретам ЦИК рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, рабочего и крестьянского Правительства, а также программе-минимум РСДРП.

Следовательно, суды при решении вопросов о давности привлечения к уголовной ответственности могли руководствоваться нормами Уголовного Уложения 1903 г. Однако в Уложении этот вопрос был регламентирован сложно, поэтому лица, не имевшие специального юридического образования, встречали препятствия в использовании норм Уложения о давности.³¹

Третий декрет о суде³² предписывал судам руководствоваться «декретами рабочего и крестьянского Правительства и социалистической совестью», что предполагало решение вопросов о давности уголовного преследования в соответствии с правосознанием судей, так как правового регламентирования данного вопроса еще не существовало.

Известный интерес в этом отношении представляет дело Романовского и Шарле, рассмотренное Донецким губернским революционным трибуналом 11 августа 1920 г. Они были осуждены за спекуляцию к принудительным работам сроком на пять лет с конфискацией движимого и недвижимого имущества. Трибунал, учитывая их принадлежность к пролетариату и *давность* преступления, снизил наказание до двух с половиной лет, а конфискацию имущества определил условной. Этот приговор был обжалован защитником в Верховный Кассационный суд. Особое внимание в жалобе уделялось давности преступления. Верховный Кассационный суд рассматриваемую жалобу отклонил, указав при этом, что «признание наличности давности вовсе не обязывает суд непременно прекращать дело производством. Под уголовной давностью понимается срок, прошедший со дня совершения преступления, причем в течение всего этого срока ни само преступление, ни личность преступника не были установлены».³³

²⁹ СУ 1917 г. № 4.

³⁰ См.: Мишурин П. Г. Очерки по истории советского уголовного права (1917–1918 гг.). М., Госюриздат, 1954.

³¹ В Уголовном Уложении 1903 г. статьи о давности вошли в восьмое отделение «об обстоятельствах, устраняющих наказуемость» главы первой «О преступных деяниях и наказаниях вообще». Положения о давности регламентировались ст. 67, 68, 70, 71, 72. Эти статьи предусматривали три вида давности: уголовного преследования, осуждения и давности исполнения обвинительного приговора.

³² СУ 1918 г. № 12.

³³ Важнейшие кассационные определения по делам революционных трибуналов за 1920–1922 г. Харьков, 1921, с. 23–24.

Учет длительного срока давности привел не к освобождению от уголовной ответственности виновных лиц, а к смягчению наказания. Верховный Кассационный суд признал позицию трибунала обоснованной и дал в своем определении вышеприведенное толкование давности.

Впервые вопрос о давности по новому законодательству был решен в ст. 21 и 22 УК РСФСР 1922 г. В ст. 21 УК РСФСР 1922 г. было установлено: «Наказание не применяется, когда со времени совершения преступления, за которое Уголовным кодексом как высшее наказание определено лишение свободы на срок свыше 1 года, прошло не менее 5 лет или когда со времени совершения тяжкого преступления прошло 3 года, – при условии: 1) если за это время не было никакого производства или следствия по данному делу и 2) если совершивший преступление, покрываемое давностью, не совершил за указанный в настоящей статье срок какого-либо другого преступления». Эта статья имела в виду истечение известного промежутка времени с момента совершения преступления до начала «производства или следствия по данному делу», т. е. давность уголовного преследования.³⁴

Статья 22 УК РСФСР 1922 г. предусматривала увеличение в два раза давностных сроков, установленных ст. 21 УК, если привлеченный к следствию или суду скрылся или иным способом уклонился от таковых. Эта статья также предусматривала особую разновидность давности уголовного преследования, так как только увеличивала сроки давности, которые были установлены ст. 21 УК РСФСР 1922 г.³⁵

Началом срока давности по ст. 22 УК РСФСР 1922 г. являлся не день совершения преступления, а день постановления суда или следователя (Циркуляр НК Юстиции № 89–25) о приостановлении производством дела или дознания. В случае розыска виновного в течение двойного давностного срока и возобновления дела производством течение давности прекращалось и для дальнейшего постановления приговора закон не устанавливал какого-либо давностного срока.³⁶

Постановлением 2-й сессии ВЦИК X созыва 10 июля 1923 г.³⁷ «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса РСФСР» ст. 33 УК РСФСР 1922 г. частично изменена (о применении расстрела по делам, находящимся в производстве Верховного Суда, губернских судов и трибуналов всех категорий). К ней были добавлены три примечания, два из которых внесли коррективы в регламентацию давности. Примечание 2 к ст. 33 УК РСФСР 1922 г. устанавливало обязательную замену высшей меры наказания по выбору суда наказаниями, указанными в пп. «а» и «б» ст. 32 (п. «а» – изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно, п. «б» – лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой), если со времени совершения преступления прошло не менее 5 лет. Примечание 3 указывало на преступления, предусмотренные ст. 67 УК: применение давности предоставлялось на усмотрение суда. Лица, виновные в совершении преступлений, за которые закон предусматривал высшую меру наказания, после истечения 5 лет уже не могли приговариваться к высшей мере наказания. Обычно им назначалось лишение свободы и реже – изгнание из пределов РСФСР. Примечание 3 давало суду право применять или не применять давность в случаях совершения виновным лицом таких преступлений, как активное действие или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных должностях при царском строе (ст. 67 УК РСФСР 1922 г.). Как показала практика, ст. 21 УК РСФСР 1922 г. устанавливала слишком короткие сроки давности и притом недостаточно подробно дифференцировала их в зависимости от тяжести совершенного преступления (5 лет или 3 года).

³⁴ См.: *Вереницин Ф.* Об уголовной давности. – «Рабочий суд», 1927, № 12, с. 971.

³⁵ С. Канарский необоснованно считал этот вид давности давностью осуждения (см.: Уголовный кодекс союзных республик, текст и постагетейный комментарий. Киев, 1924, с. 75).

³⁶ Рабочий суд, 1927, № 12, с. 972.

³⁷ СУ РСФСР 1923 г. № 48.

При этом нарушался принцип соответствия срока давности с возможным назначением наказания. Поэтому, например, лицо, осужденное, допустим, за умышленные тяжкие телесные повреждения по ч. II ст. 149 УК 1922 г. к 10 годам лишения свободы, еще находилось в местах лишения свободы со строгой изоляцией, а его соучастник, не осужденный вместе с ним, освобожден после истечения 5-летнего срока давности от ответственности за это преступление.

Статья 10 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик гласила: «Уголовное преследование не может быть возбуждено: а) когда со времени совершения преступления, за которое уголовными законами в качестве меры социальной защиты определено лишение свободы на срок не ниже 5 лет, прошло 10 лет; б) когда со времени совершения преступления, за которое определено лишение свободы не ниже одного года, прошло 5 лет; в) по всем остальным преступлениям, когда со времени совершения их прошло 3 года.

Давность применяется: а) если за все это время не было никакого производства или следствия по данному делу и б) если притом совершивший преступление, покрываемое давностью, не совершил за указанный в настоящей статье срок какого-либо другого однородного или менее тяжкого преступления. Обвинительный приговор не приводится в исполнение, если он не был приведен в исполнение в течение 10 лет со дня вынесения приговора.

Примечание 1. Союзным республикам предоставляется в случаях, указанных в п. «в», понижать давностные сроки по отдельным видам преступления.

Примечание 2. Высшая мера социальной защиты (расстрел) подлежит обязательной замене по выбору суда изгнанием из пределов Союза ССР или лишением свободы со строгой изоляцией, если со времени совершения преступления прошло не менее 10 лет.

Примечание 3. В случае привлечения к уголовной ответственности за активные действия и активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленную на ответственных или особо секретных должностях при царском строе, а равно в случае совершения контрреволюционного преступления применение давности в каждом конкретном случае предоставляется усмотрению суда».³⁸

Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 13 августа 1926 г.³⁹ ст. 10 Основных начал была частично изменена, а постановлением ЦИК СССР от 25 февраля 1927 г.⁴⁰ вновь пересмотрена и в этой редакции действовала до введения в действие Основ 1958 г. Десятилетний срок давности был установлен за совершение таких преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет (п. «а»); 5 лет – за преступления, наказываемые лишением свободы на срок не свыше пяти лет (п. «б»); 3 года – за преступления, за которые судом может быть назначено лишение свободы на срок до одного года или в законе определена более мягкая, чем лишение свободы, мера социальной защиты (п. «в»). Следует обратить внимание на то, что в первоначальной редакции ст. 10 Основных начал охватывает преступления, за которые возможно назначение наказания на срок не ниже 5 лет... не ниже 1 года... Последняя редакция ст. 10 Основных начал установила более льготные условия для рассматриваемых случаев давности.

Союзные республики получили более широкие права понижать сроки давности. Если в первоначальной редакции это право относилось только к случаям, предусмотренным п. «в», то в последней редакции – и п. «б» ст. 10 Основных начал. Существенным изменениям подверглись примечания 2 и 3 к ст. 10 Основных начал.

Примечание 2 имело следующее содержание: «В случаях привлечения к уголовной ответственности за преступления контрреволюционные применение давности в каждом отдельном

³⁸ Постановление ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик». – СЗ СССР 1924 г. № 24.

³⁹ СЗ СССР 1926 г. № 55.

⁴⁰ СЗ СССР 1927 г. № 12.

случае предоставляется усмотрению суда; однако, если суд не найдет возможным применение давности, то при назначении им расстрела за данное преступление таковой обязательно заменяется объявлением врагом трудящихся, с лишением гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда или лишением свободы со строгой изоляцией, срок не ниже двух лет».

Таким образом, если данное примечание в старой редакции относилось ко всем преступлениям, за которые назначался расстрел, то приведенным изменением оно стало относиться только к случаям привлечения к уголовной ответственности за контрреволюционные преступления. Следовательно, сфера действия второго примечания сузилась. Вместе с тем суду было дано право в рассматриваемых случаях решать вопрос о применении давности. Но при этом расстрел подлежал замене перечисленными наказаниями.

Значительно изменилась и редакция примечания 3: «В отношении лиц, привлеченных к уголовной ответственности за активные действия и активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо секретных должностях при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны, как применение давности, так замена расстрела предоставляется по усмотрению суда».

Новым в этом примечании является следующее: если раньше речь шла об ответственных или особо секретных должностях при царском строе, то в новой редакции примечания 3 – об ответственных или секретных должностях (это значительно шире) и не только при царском строе, но и в контрреволюционных правительствах. В первоначальной редакции примечание 3 давало суду право решать вопрос о применении давности, в последней редакции суду дополнительно предоставлено право решать вопрос о применении расстрела.

Из изложенного видно, что Основные начала дифференцируют сроки давности уголовного преследования, разделяя их на три категории вместо двух категорий, предусмотренных УК РСФСР 1922 г. Основными началами была существенный образом усовершенствована и уточнена регламентация давности уголовного преследования.

Статья 10 Основных начал установила, что течение давности прерывается совершением нового однородного или менее тяжкого преступления. В соответствии с ней в Уголовные кодексы союзных республик были включены нормы, регламентирующие давность уголовного преследования.

Отдельные союзные республики, воспользовавшись правом, предоставленным примечанием 1 к ст. 10 Основных начал, установили более дробную дифференциацию сроков давности, зависящих от тяжести совершенных преступлений. Так, в ст. 14 УК УССР 1927 г. сроков давности не три, как это было в Основных началах, а пять; ст. 16 УК БССР 1928 г. – четыре.

Уголовные кодексы ряда республик выделили в отдельную статью положения, устанавливающие давность исполнения обвинительного приговора (см., например, ст. 15 УК РСФСР 1926 г., ст. 15 УК АрмССР 1927 г.).

В отдельные статьи УК БССР 1928 г. вошли примечания к ст. 10 Основных начал, поэтому давность уголовного преследования регламентировалась ст. 16, 17, 18 и 19 УК БССР 1928 г.

Статья 14 УК РСФСР 1926 г. в противоречии со ст. 10 Основных начал иначе определила тяжесть преступлений при установлении сроков давности: когда со времени совершения преступления, за которое судом может быть назначено лишение свободы свыше пяти лет или определено в законе лишение свободы на срок не ниже одного года, прошло десять лет (п. «а» ст. 14 УК РСФСР 1926 г.). Подчеркнутое не предусмотрено ст. 10 Основных начал и постановлением ЦИК СССР от 25 февраля 1927 г.⁴¹ Однако постановлением ВЦИК и СНК от 6 июня 1927 г.⁴² рассматриваемые и иные противоречия были устранены.

⁴¹ СЗ СССР 1927 г. № 12.

В примечании 3 к ст. 14 УК РСФСР, в примечании 3 к ст. 15 УК ГССР 1928 г., в примечании 3 к ст. 13 УК ТССР 1927 г. и примечании 3 к ст. 13 УК ТаджССР 1935 г. была установлена давность наложения административного взыскания, предусмотренного этими Уголовными кодексами. Так, примечание 3 к ст. 14 УК РСФСР имело следующее содержание: «Устанавливаемые настоящей статьей давностные сроки не распространяются на действия, расследуемые согласно настоящему Кодексу в административном порядке, и наложение взысканий за эти действия может иметь место только в течение одного месяца со дня их совершения».

Пленум Верховного суда РСФСР в постановлении от 7 февраля 1927 г. (протокол № 3) разъяснил особенности исчисления давности наложения административных взысканий в тех случаях, когда дело, находящееся в производстве судебных и следственных органов, было прекращено в судебном порядке и передано для рассмотрения в административном порядке. В таком случае месячный срок для наложения административного взыскания исчисляется с момента направления дела в соответствующий административный орган.

§ 2. Юридическая природа давности привлечения к уголовной ответственности

Статья 41 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик регламентирует давность привлечения к уголовной ответственности, определение которой законодатель не дает. Отсюда возникает необходимость рассмотреть содержание уголовной ответственности. Прежде всего необходимо отметить, что уголовная ответственность⁴³ и наказание – различные правовые категории. В уголовном законодательстве термины «уголовная ответственность» и «наказание» определяют различные институты.

Так, ст. 3 Основ говорит об основаниях уголовной ответственности и наказания; ст. 43 регламентирует освобождение от уголовной ответственности и наказания. Несомненно, что значение этих терминов неодинаково, так же как оно неодинаково в ст. 4, 5, 10, 12, 32, 33, 41 и др. Исключение составляет лишь ст. 11 Основ. В части I этой статьи речь идет об освобождении от *уголовной ответственности* лиц, которые во время совершения общественно опасного деяния находились в состоянии невменяемости, в ч. II – об освобождении от *наказания* лиц, совершивших преступления в состоянии вменяемости, но заболевших до вынесения судом приговора душевной болезнью, лишаящей их возможности отдавать отчет в своих действиях или руководить ими. Очевидно, что как в первом, так и во втором случаях имеется в виду освобождение от уголовной ответственности.

Многие юристы уголовную ответственность отождествляют с уголовным наказанием.⁴⁴ В таком случае нет необходимости в самостоятельном существовании института уголовной ответственности.⁴⁵ К тому же уголовная ответственность и уголовное наказание (его реализация) по своему содержанию не всегда совпадают. Для подтверждения сказанного возьмем в качестве примера институт условного осуждения. Согласно ст. 38 Основ суд при наличии оснований, указанных в этой статье, может постановить об условном неприменении наказания к виновному. Следовательно, лицо осуждается, но реально наказание (лишение свободы или исправительные работы без лишения свободы) в исполнение не приводится. Во время испы-

⁴² СУ СССР 1927 г. № 49.

⁴³ О различных значениях термина «ответственность» см., например: *Лейст О. Э.* Санкции в советском праве. М., Госюриздат, 1962, с. 85–88.

⁴⁴ См.: *Галаган И. А.* К вопросу о понятии ответственности по советскому праву. – «Учен. зап. Новгородск. гос. пед. ин-та», 1958, № IV, с. 243.

⁴⁵ См.: *Брайнин Я. М.* Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. М., «Юридическая литература», 1963, с. 11.

тательного срока на лицо налагаются определенные обязанности и к тому же оно считается судимым. Это и является теми неблагоприятными для осужденного последствиями, без которых немислима ответственность за правонарушение.⁴⁶

Нельзя отождествлять уголовную ответственность и санкцию.⁴⁷ Ибо, как правильно отмечает А. С. Пиголкин, «санкция правовой нормы существует всегда, а правовая ответственность наступает лишь при реальном нарушении этой нормы».⁴⁸

Юридический словарь 1953 г. уголовную ответственность определяет как осуждение судом от имени Советского государства лица, виновного в совершении деяния, и применение к виновному мер уголовного наказания.

Более развернутое определение уголовной ответственности дает А. П. Чугаев: «В уголовном законе обязанность быть подвергнутым неблагоприятным последствиям, наступающим в результате совершения предусмотренного в законе преступления, и выраженное в признании лица в уголовном порядке виновным в совершении преступления, осуждении от имени государства, назначении и применении наказания по приговору суда, что влечет за собой признание лица судимым». Аналогичную позицию занимал В. И. Курляндский.⁴⁹ Но далее он пришел к иному выводу: уголовная ответственность может иметь место и с освобождением от наказания, ссылаясь при этом на ч. II ст. 50 УК РСФСР. А. Р. Палтсер также утверждает, что «уголовная ответственность лица возникает с момента совершения преступления...». Однако в противоречии с этим выводом считает «началом реализации уголовной ответственности... момент, когда осужденный приступает к фактическому несению наказания».⁵⁰

На наш взгляд, приведенные определения представляются ошибочными. Как уже указывалось, ст. 38 Основ предполагает вынесение судом обвинительного приговора, но наказание, условно назначенное виновному, реально не исполняется, а А. П. Чугаев считает этот признак обязательным для уголовной ответственности.

Иное определение уголовной ответственности дает Я. М. Браинин: «Уголовная ответственность по советскому уголовному праву представляет собой основанную на нормах советского уголовного права обязанность лица, совершившего преступление, подлежать действию уголовного закона при наличии в действиях виновного, предусмотренного этим законом, состава преступлений».⁵¹ Здесь не указано на то, что уголовная ответственность наступает в судебном порядке. И это не случайно. Я. М. Браинин полагает, что уголовная ответственность возникает с момента привлечения лица в качестве обвиняемого.⁵² Этот вывод представляется ошибочным. Следует присоединиться к мнению Р. Д. Рахунова: «До того момента, пока не вынесен приговор, возможно не применение уголовного закона, а обвинение в нарушении закона».⁵³ Действительно, можно ли говорить об уголовной ответственности до вынесения приговора? Возможен и другой вариант. Преступление было совершено, но суд освобождает лицо от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд (ст. 51 УК РСФСР). Если

⁴⁶ См.: *Самощенко И. С.* К вопросу о причинности в области юридической ответственности. – В кн.: *Вопросы общей теории советского права.* М., 1960, с. 418–424.

⁴⁷ См.: *Иоффе О. С.* Ответственность по советскому гражданскому праву. М., Изд-во Моск. ун-та, 1955, с. 9.

⁴⁸ *Пиголкин А. С.* Нормы советского социалистического права и их структура. – В кн.: *Вопросы общей теории советского права,* с. 180.

⁴⁹ *Чугаев А. П.* Малозначительное преступление и товарищеский суд. Изд-во Казанск. ун-та, 1966, с. 14; *Курляндский В. И.* Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М., «Юридическая литература», 1965, с. 32.

⁵⁰ *Палтсер А. Р.* Освобождение от уголовной ответственности по советскому уголовному праву. Автореф. канд. дис. Тарту, 1966, с. 6.

⁵¹ *Браинин Я. М.* Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве, с. 26–27; *Курляндский В. И.* Уголовная ответственность и меры общественного воздействия, с. 32; *Багрин-Шахматов Л. Б.* Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976, с. 27.

⁵² См.: *Браинин Я. М.* Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве, с. 27.

⁵³ *Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву.* М., Госюриздат, 1961, с. 61–62.

согласиться с ЯМ. Браининым, то и в подобном случае частично имела место уголовная ответственность. Следовательно, речь должна была бы идти не об освобождении от уголовной ответственности, как это сказано в ст. 51 УК РСФСР, а об освобождении от «дальнейшей уголовной ответственности».

Уголовная ответственность всегда конкретна и индивидуальна. По этому поводу П. С. Дагель пишет: «Индивидуализация уголовной ответственности в отношении конкретного преступника – это определение того, в какой форме и объеме он должен нести уголовную ответственность и может ли он быть освобожден от нее».⁵⁴ Уголовная ответственность может быть реализована как при условном осуждении виновного лица без реального отбытия условно назначенного наказания (ст. 38 Основ), так и при исполнении (частичном или полном) этого наказания. По нашему мнению, уголовную ответственность в самых общих чертах можно определить как неблагоприятные последствия, претерпеваемые осужденным в соответствии с уголовным законом за совершенное преступление.

Таким образом, уголовная ответственность возникает при вступлении обвинительного приговора в законную силу и заключается в отрицательной оценке судом уголовно-упречного поведения виновного лица и, как правило, наказания. Судимость входит составным элементом в уголовную ответственность. Единственным исключением из рассматриваемого правила является вынесение обвинительного приговора без назначения наказания в тех случаях, когда к моменту рассмотрения дела в суде лицо, его совершившее, перестало быть общественно опасным в соответствии с ч. II ст. 43 Основ. В подобных ситуациях уголовная ответственность реализуется фактом вынесения обвинительного приговора без назначения наказания⁵⁵ и последующей судимости виновного лица.

П. П. Осипов прав, полагая, что «уголовная ответственность обязательно воплощается в форме обвинительного приговора суда. Оглашая такой приговор, суд оценивает вмененное в вину подсудимого деяние как общественно опасное (т. е. дает ему отрицательную социально-политическую оценку и, квалифицируя его по соответствующей статье Уголовного кодекса (отрицательная юридическая оценка), публично объявляет от имени государства совершенное деяние преступлением, а виновного – преступником (единство отрицательных социально-политических и юридических оценок), что превращает последнего в осужденного. Независимо от назначения и исполнения наказания эти отрицательные оценки опорочивают соответствующего гражданина, снижают его социальный престиж, влияют на его положение в обществе».⁵⁶ Из такого понимания уголовной ответственности мы будем исходить при анализе давности привлечения к уголовной ответственности.

Многие юристы полагают, что совершение уголовно-процессуальных действий по привлечению к уголовной ответственности, например предъявление обвинительного заключения, приостанавливает течение сроков давности, ибо в законе речь идет о «давности привлечения к уголовной ответственности».⁵⁷ Иными словами, они относят рассматриваемый вид давности к давности уголовного преследования. Но этот вывод противоречит содержанию ст. 41 Основ, которая устанавливает лишь один случай приостановления течения давности, когда виновное лицо скроется от следствия или суда. Даже совершение преступления, за которое по закону не может быть назначено лишение свободы свыше двух лет, не влияет на течение срока давности.

⁵⁴ Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970, с. 96; Тихонов К. Ф. Субъективная сторона преступления. Саратов, 1967, с. 41; Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970, с. 252; Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., «Юридическая литература», 1975, с. 171; Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Изд-во ЛГУ, 1976, с. 52–53.

⁵⁵ Статья 43 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

⁵⁶ Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций, с. 53–54.

⁵⁷ См., например: Гальперин И. Как исчислять срок давности привлечения к уголовной ответственности. – «Советская юстиция», 1966, № 9, ст. 8; Научный комментарий УК РСФСР. Свердловск, 1964, с. 116.

В тех же случаях, когда в течение срока давности виновное лицо совершит более тяжкое преступление, то течение давности прерывается и исчисляется заново.

В соответствии с этими положениями уголовного закона в ч. V ст. 195 УПК РСФСР, устанавливающей основания и сроки приостановления предварительного следствия, указано, что производство по делу подлежит прекращению по истечении давности, установленной уголовным законом (если обвиняемый не скрылся от суда и следствия, что приостанавливает течение давности).

Сопоставление содержания ст. 41 Основ со ст. 10 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. также подтверждает сделанный вывод. Основные начала устанавливали давность уголовного преследования, ибо в ст. 10 было указано, что «давность применяется, если в течение соответствующего срока не было никакого производства по данному делу».

Следовательно, совершение определенных уголовно-процессуальных действий – производство по делу (привлечение в качестве обвиняемого⁵⁸) – приостанавливало течение давности. Однако и в ст. 21 УК РСФСР 1922 г. устанавливалась давность уголовного преследования, так как течение давности приостанавливалось «производством по делу или следствием». Значит, в ст. 41 Основ допущена терминологическая неточность. В ней идет речь о давности осуждения, чему не соответствует заголовок и начало статьи, упоминающие о «давности привлечения к уголовной ответственности». Это затрудняет восприятие и ведет к ошибкам в применении этого закона. Нельзя не согласиться с А. А. Ушаковым, отмечающим следующее: «В своей речевой деятельности законодатель должен опираться на единство всех словарных ресурсов законодательного языка во всех звеньях и частях законодательства. И это вытекает из сущности права, как нечто единого, внутренне и внешне согласованного. Единство терминологии отражает единство законодательных понятий. Полисемантизм, т. е. многозначность слова, столь характерный для словарного состава русского языка и допускаемый, например, в искусстве, не имеет базы для своего существования в языке законодателя. Словарный запас должен использоваться в строго определенном, единственном значении. А между тем отсутствие этого единства в языке законодателя, как и в языке ученого, является в настоящее время ахиллесовой пятой в речевой деятельности законодателя».⁵⁹

Для внесения полной ясности в рассматриваемый вопрос желательно включение в ст. 41 Основ соответствующих уточнений: необходимо четко, в соответствии с ее содержанием указать, что в ней регламентирована давность осуждения. Итак, в ст. 41 Основ установлена *давность осуждения*,⁶⁰ т. е. реализация первого этапа уголовной ответственности. Вследствие того что давность базируется на отпадении или существенном уменьшении общественной опасности лица, предпочтительным является установление давности осуждения. Ведь привлечение к уголовной ответственности не свидетельствует об увеличении общественной опасности лица, т. е. возникновении обстоятельства, приостанавливающего течение давности.

Истечение сроков давности исключает осуждение виновного лица или в соответствии с ч. V ст. 41 Основ ведет к смягчению наказания, ибо, если суд не найдет возможным применить давность за преступление, за совершение которого возможно назначение смертной казни, то это наказание заменяется лишением свободы.

Если истекли сроки давности осуждения, но обвиняемый, не считая себя виновным в совершении преступления, настаивает на дальнейшем производстве по делу, его желание в соответствии со ст. 5 УПК РСФСР подлежит удовлетворению. Суд рассматривает дело по существу и при отсутствии состава преступления в действиях обвиняемого выносит оправда-

⁵⁸ Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий. М., 1941. С. 20; Уголовное право, ч. Общая. М., 1948, с. 561.

⁵⁹ Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967, с. 170.

⁶⁰ В данной работе используется и терминология ст. 41 Основ.

тельный приговор. Если при этом будет установлено, что преступление имело место, то виновное лицо в силу истечения срока давности освобождается от осуждения.

Статьей 57 УК РСФСР установлено, что не имеющими судимости признаются лица, освобожденные от наказания в силу ст. 49 УК. Однако в ней ничего не сказано о лицах, освобожденных от осуждения, ибо в этом нет необходимости. Вполне очевидно, что если имело место освобождение от назначения наказания, то о судимости не может быть и речи.

Освобождение от осуждения вследствие истечения срока давности не исключает взыскания с подсудимого судебных издержек. По этому вопросу в ч. II ст. 107 УПК РСФСР сказано: «...суд может возложить судебные издержки и на подсудимого, признанного виновным, но освобожденного от наказания». Такое освобождение от наказания возможно и вследствие применения института давности.

Во всех зарубежных социалистических странах институт давности уголовного преследования регламентирован уголовным законодательством. Уголовные кодексы НРБ (ст. 79), СРР (ст. 105), ГДР (§ 82), СФРЮ (ст. 80) регламентируют институт уголовного преследования. Так, в п. 2 ст. 81 УК Болгарии указано, что течение давности прерывается всяким действием надлежащих органов, предпринятым для преследования лишь непосредственно в отношении лица, против которого направлено преследование. Уголовным законодательством большинства буржуазных стран предусмотрена давность уголовного преследования (Япония, Австрия, Дания, Греция и т. д.).

§ 4. Сроки давности привлечения к уголовной ответственности

Осуждение преступника согласно ст. 41 Основ не может иметь места, если с момента совершения преступления истекли определенные сроки, продолжительность которых определяется характером общественной опасности совершенного преступления. В юридической литературе иногда неверно, с нашей точки зрения, употребляются термины «степень общественной опасности» и «характер общественной опасности». Так, некоторые юристы отмечают, что сроки давности зависят от степени общественной опасности совершенных преступлений.⁶¹ Это неправильно. В ст. 41 Основ продолжительность срока давности ставится, прежде всего, в зависимость от того, какое наказание может быть назначено по закону за содеянное. Если таковым является лишение свободы, – то от возможной продолжительности этого наказания за данный вид преступления. Следовательно, в ст. 41 речь идет об учете характера общественной опасности преступления, зависящей от «свойства общественной опасности преступлений данного рода, данного вида, определенного какой-либо нормой».⁶² Степень общественной опасности определяет ее уровень, присущий конкретному случаю совершения данного преступления, данным лицом, в данных условиях времени, места и обстановки.⁶³

Статья 41 Основ устанавливает четыре срока давности: три, пять, десять и пятнадцать лет. Установление различных сроков давности осуждения вытекает из сути этого института. Применение давности, как уже отмечалось ранее, предопределяется отпадением общественной опасности лица, совершившего преступление, и нецелесообразностью его осуждения в интересах общего предупреждения. По общему правилу чем опаснее совершенное преступление, тем продолжительнее должен быть срок давности привлечения к уголовной ответственности. Особые правила установления давности предусмотрены при совершении тех преступлений, за совершение которых закон предусматривает возможность назначения смертной казни.

⁶¹ См.: Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., Госюриздат, 1960, с. 110.

⁶² См., например: Соловьев А. Д. Вопросы применения наказания. М., Госюриздат, 1958, с. 88; Курляндский В. И. Вопросы основания уголовной ответственности. – В кн.: Вопросы уголовного права. М., изд. ВЮЗИ, 1966, с. 8.

⁶³ Советское уголовное право, ч. Общая. М., Госюриздат, 1962, с. 313.

В статье 41 Основ союзным республикам дано право устанавливать пониженные сроки давности по отдельным видам преступлений. Этим правом воспользовались почти все республики (за исключением Казахской, Армянской ССР) и ввели в свои уголовные кодексы еще один менее продолжительный срок давности. Круг тех преступлений, за совершение которых в союзных республиках установлена пониженная давность, неодинаков. Так, в УК АзССР (ст. 44) таких преступлений 11, в УК РСФСР (ст. 48) – 16, в УК ТССР (ст. 47) – 24, в УК БССР (ст. 46) – 34. К тому же и пониженный срок давности в различных республиках неодинаков. В УССР самый непродолжительный срок давности первоначально был равен 3 месяцам, в Узбекистане – 6 месяцам, а в БССР – 1 году.⁶⁴ Это привело к тому, что в ряде случаев за одни и те же преступления давность осуждения в различных республиках неодинакова.

Вероятно, можно сформулировать следующее правило: срок любого вида давности не должен быть менее продолжительным, чем срок наказания, *которое может быть назначено* (или назначено) за данное преступление. Более того, целесообразно установить срок давности более продолжительный, чем наказание за данное преступление. Нетрудно представить себе случай, когда повторное мелкое хищение совершают два человека. Один из них вскоре приговаривается по ч. II ст. 96 УК РСФСР к двум годам лишения свободы, второй – по каким-либо причинам остается вне поля зрения правосудия. Если истечет один год со дня совершения преступления, то второго преступника нельзя будет привлечь к ответственности – истечет срок давности осуждения. В то же самое время первый из виновных лиц будет продолжать отбывать еще один год наказания. Это несправедливо.

В уголовных кодексах союзных республик круг преступлений с пониженной давностью осуждения обычно определяется исчерпывающим перечнем (например, п. 1 ст. 49 УК ЛитССР). В ст. 46 УК МССР пониженный срок давности установлен в тех случаях, если по закону может быть назначено наказание не более строгое, чем исправительные работы, а по ст. 46 УК БССР – исправительные работы и направление в дисциплинарный батальон. В ст. 43 УК КиргССР пониженные сроки давности применяются в тех случаях, когда за преступление может быть назначено любое наказание, не связанное с лишением свободы (за исключением, конечно, смертной казни). В ст. 46 УК УзССР самый короткий срок давности (6 месяцев) определяется иначе. Он применим к преступлениям по делам частного обвинения, годичный срок давности применяется на тех же основаниях, что и в УК УССР. В ст. 43 УК КиргССР одногодичный срок давности осуждения установлен за преступления, за совершение которых возможно назначение наказания, не связанного с лишением свободы. Такими наказаниями, следовательно, могут быть ссылка на срок от двух до пяти лет, высылка на срок от одного года до пяти лет и направление в дисциплинарный батальон на срок от трех месяцев до двух лет. Продолжительность перечисленных наказаний может значительно превышать продолжительность срока давности, тем самым нарушается правило соответствия срока давности продолжительности срока наказания. В соответствии со ст. 46 УК БССР и ст. 46 УК УзССР одногодичный срок давности применим лишь к преступлениям, за которые можно назначить наказание не более строгое, чем исправительные работы или направление в дисциплинарный батальон.

Следовательно, в этих республиках, в отличие от Киргизской, те преступления, за совершение которых закон предусматривает возможность назначения ссылки или высылки, предусмотрен трехгодичный срок давности привлечения к уголовной ответственности.

Часть II ст. 41 Основ союзным республикам дает право устанавливать пониженные сроки давности по *отдельным видам* преступлений. Вместе с тем в уголовных кодексах Белорусской, Узбекской, Молдавской и Киргизской ССР пошли, казалось бы, по иному пути и при-

⁶⁴ Сопоставительный анализ пониженных сроков давности по Уголовным кодексам союзных республик см.: Шейнин Х. Б. Назначение наказания и освобождение от наказания по Уголовным кодексам союзных республик (сравнительный анализ). – В кн.: Вопросы уголовного права, с. 125–126.

менили пониженную давность в зависимости от *вида наказания*, который можно назначить по закону лицу, совершившему преступление. Может создаться впечатление о противоречии между общесоюзными и республиканскими законами. В действительности же этого противоречия нет. «Отдельные виды преступлений» могут быть выделены как путем установления их перечня, так и путем группировки преступлений в зависимости от установленного в законе за их совершение наказания. Более того, представляется более последовательным выделение отдельных видов преступлений по наказанию. Такой метод позволяет группировать преступления, очень близкие по характеру общественной опасности, родовой признак которых, как известно, определяется наказанием. При этом исключается элемент случайности включения или невключения того или иного преступления в отдельную группу. О наличии такого элемента случайности говорит, например, тот факт, что число преступлений с пониженной давностью в союзных республиках неодинаково. Из изложенного понять, что позиция УК Молдавской ССР является предпочтительнее. В ст. 46 УК МССР одногодичный срок давности установлен за те преступления, наказание за которые по закону не может быть строже, чем исправительные работы.

Рассмотренные выше особенности в определении пониженных сроков давности осуждения перечисленными не исчерпываются. Как видим, существуют значительные различия в регламентации уголовными кодексами союзных республик круга преступлений с пониженным сроком давности. Количество «ступеней» пониженных сроков давности и продолжительность этих сроков также во многих республиках различны. Все это свидетельствует об отсутствии единых критериев, положенных в основу выделения преступлений с пониженными сроками давности. Идея установления пониженных сроков давности является верной. Пониженные сроки давности способствуют более подробной, более тщательной их дифференциации в соответствии с общественной опасностью преступления и соответственно лица, его совершившего. Вместе с тем установление сроков давности продолжительностью в 6 и тем более в 3 месяца, как это первоначально было сделано в УК УССР, неоправданно.⁶⁵ Такие сроки давности слишком непродолжительны и в силу этого не могут свидетельствовать об отпадении или существенном снижении общественной опасности лица. Отказ от привлечения к уголовной ответственности после истечения краткого времени воспринимается виновным лицом и окружающими (в ущерб общей превенции) как факт всепрощения.

В ст. 41 Основ речь идет об установлении давности привлечения к уголовной ответственности. Давность – это то, что имело место в прошлом. О каком прошлом в этом смысле можно говорить спустя 3 или 6 месяцев? Ущерб, причиненный преступлением обществу или отдельным лицам, еще свеж, и поэтому «прощение» лица, виновного в причинении такого ущерба, вызывает справедливое недовольство.

Н. И. Загородников приводит еще один довод против установления в законе сверхкратких сроков давности. Рассматривая трехмесячный срок давности по УК УССР, Н. И. Загородников пишет: «В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством следствие в таком случае может вестись в течение двух месяцев, а прокурор области может продлить срок следствия еще на два месяца. Таким образом, законный срок для следствия в данном случае окажется меньше установленного срока давности, а это явно ненормально».⁶⁶ Вероятно, минимальный срок давности не должен быть меньше одного года.

В соответствии с п. 1 ст. 41 Основ лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, если прошло три года со дня совершения преступления, за которое по закону могут быть назначены лишение свободы на срок не свыше двух лет или наказание, не свя-

⁶⁵ Такой же точки зрения придерживается Н. Загородников (см.: *Загородников Н.* Давность уголовного преследования и ее срок. – «Социалистическая законность», 1967, № 2, с. 35).

⁶⁶ См.: *Загородников Н.* Давность уголовного преследования и ее срок. – «Социалистическая законность», 1967, № 2, с. 35.

занное с лишением свободы. В ст. 46 УК УзССР, ст. 45 УК АрмССР полностью воспроизводится положение Основ. В остальных союзных республиках круг преступлений с трехгодичной давностью сужен за счет установления сроков давности по отдельным видам преступлений. В большинстве УК союзных республик содержится специальная оговорка о сокращении круга тех преступлений, давность привлечения к уголовной ответственности за которые равна трем годам. Так, в ст. 48 УК РСФСР сказано, что три года давности привлечения к уголовной ответственности относятся к тем преступлениям, за которые может быть назначено лишение свободы на срок не свыше двух лет или наказание, не связанное с лишением свободы, «кроме преступлений, предусмотренных статьями, указанными в первом пункте».

В уголовных кодексах некоторых республик такой оговорки нет, например в ст. 49 УК ГССР. Однако толкование этой нормы без каких-либо затруднений позволяет ограничить ее применение за счет тех преступлений, которые имеют пониженную давность.

Ряд диспозиций норм Особенной части сконструирован так, что одни и те же преступления по-разному наказываются. Наказание зависит от наличия или отсутствия квалифицирующих эти преступления обстоятельств. В юридической литературе квалифицирующие преступления обстоятельства часто смешивают с отягчающими или смягчающими обстоятельствами. Так, М. К. Аниязц рассматривает убийство, ответственность за которое предусмотрена ст. 102 УК РСФСР, как убийство с отягчающими обстоятельствами.⁶⁷ Подобная постановка вопроса ошибочна. Обстоятельства, квалифицирующие преступления, влияют на квалификацию преступления, поэтому их учет судом обязателен, в то время как отягчающие или смягчающие вину обстоятельства на квалификацию преступления не влияют. Они могут быть учтены лишь при решении вопроса о наказании (в границах санкций). Поэтому, например, убийство из корысти, не отягчающее данное преступление обстоятельство, а обстоятельство, квалифицирующее его, предполагающее обязательную ответственность виновного лица по ст. 102 УК РСФСР.

В то же самое время это преступление может быть совершено при наличии отягчающих или смягчающих вину обстоятельств. Так, убийство из корысти, совершенное несовершеннолетним, будет квалифицированным убийством, но со смягчающим обстоятельством – несовершеннолетие виновного лица. В приведенном примере квалифицирующее обстоятельство повышает опасность деяния и его наказуемость. Вместе с тем могут быть и такие квалифицирующие обстоятельства, которые понижают наказуемость и опасность преступления, например убийство с превышением пределов необходимой обороны. Превышение необходимой обороны – квалифицирующее преступление обстоятельство (ст. 105 УК РСФСР). В ряде случаев ответственность за так называемое простое и квалифицированное преступление предусматривается различными частями одной и той же статьи. Так, ч. I ст. 154 УК РСФСР предусматривает ответственность за спекуляцию без квалифицирующих обстоятельств, а ч. II и III перечисляют квалифицирующие эти преступления обстоятельства. Причем в ч. II указаны такие квалифицирующие обстоятельства, которые повышают тяжесть этого преступления (совершение спекуляции в виде промысла или в крупных размерах), а ч. III, наоборот, понижает общественную опасность деяния. Части I и III ст. 154 УК РСФСР предусматривают такое наказание, давность осуждения за которые равна трем годам, а по ч. II – пяти годам. С учетом того, что отдельные статьи уголовных кодексов советских республик устанавливают различную наказуемость обычных и квалифицированных преступлений, в УК РСФСР ст. 101 (или часть статьи) предусматривает трехлетнюю давность осуждения. Пятилетний срок давности возможен по УК РСФСР в 99 случаях, а 10-летний срок давности – в 65 случаях. Десятилетний срок – за те преступления, за которые по закону может быть назначено более строгое наказание, чем лишение свободы сроком на пять лет. Из них 28 статей УК предусматривают наказание в виде лишения свободы

⁶⁷ См.: Аниязц М. К. Ответственность за преступления против жизни. М., «Юридическая литература», 1964, с. 43.

сроком до пятнадцати лет. Следовательно, срок давности менее продолжителен по сравнению с наказанием, которое можно назначить по закону. Это противоречит принципу соответствия срока давности и наказания. Поэтому представляется целесообразным выделение тех преступлений, за которые закон предусматривает возможность назначения лишения свободы сроком до пятнадцати лет в отдельную группу, установив продолжительность давности за эти преступления не меньше пятнадцати лет.

Несоответствие сроков давности и санкций закона неоднократно отмечалось в нашей литературе. При этом высказывались различные предложения. Так, С. Степичев писал, что все давностные сроки, предусмотренные действующим законодательством, следует увеличить соответственно до 5, 10, 15 и 20 лет.⁶⁸

П. Я. Мшвениерадзе и С. Г. Келина предлагают увеличить до 15 лет давностный срок за преступления, караемые по закону лишением свободы на срок свыше 10 лет.⁶⁹ Таким образом, срок давности осуждения не должен быть менее продолжительным, чем то наказание, которое может быть назначено по закону за преступление.

В этом отношении представляет интерес позиция УК Польской Народной Республики. В соответствии с § 1 ст. 32 УК ПНР лишение свободы не может быть назначено на срок свыше 15 лет. Вместе с тем наказуемость за тяжкие преступления невозможна, если с момента его совершения прошло 20 лет (п. 1 § 1 ст. 105 УК). Следовательно, максимальный срок давности осуждения превышает максимальное лишение свободы на 5 лет. В УК ГДР максимум лишения свободы также определен в 15 лет (п. 1 § 40), давность уголовного преследования – 25 лет (п. 5 ч. I § 82 УК). 25 лет – срок давности уголовного преследования и по УК СФРЮ (ст. 80), максимальная продолжительность лишения свободы – 20 лет.

Установленные действующим законодательством сроки давности осуждения возрастают резкими скачками (три, пять и десять лет), что ведет в ряде случаев к диспропорции между ростом общественной опасности деяния и сроком давности осуждения за него.

Так, в п. 2 ст. 41 Основ установлен пятилетний срок давности привлечения к уголовной ответственности для преступлений, за которые по закону может быть назначено лишение свободы свыше двух лет, но не продолжительнее пяти лет. В пункте 3 для всех остальных преступлений установлен десятилетний срок давности. Произошел скачок давности и ее увеличение в 2 раза. В то же самое время общественная опасность преступления и соответственно лица, его совершившего, может измениться незначительно. Так, доведение до самоубийства наказывается лишением свободы до пяти лет. Следовательно, срок давности осуждения за эти преступления равен пяти годам (ст. 107 УК РСФСР). За совершение преступления, ответственность за которое установлена ч. II ст. 119 УК, определено наказание до шести лет лишения свободы. В соответствии с п. 3 ст. 48 УК срок давности привлечения к уголовной ответственности за такое преступление равен десяти годам. Общественная опасность второго преступления несколько выше, что отражено в санкции закона, устанавливающей наказание на один год строже по сравнению с доведением до самоубийства. В то же самое время срок давности непропорционально увеличился в 2 раза. Целесообразно или установить дополнительные ступени сроков давности осуждения с увеличением продолжительности максимального срока давности до пятнадцати – двадцати лет, или установить непосредственную связь срока давности с наказанием за содеянное. Последний путь представляется наиболее верным. Суть его в следующем. Срок давности осуждения должен быть равен одному году при совершении преступлений, за которые можно назначить наказание в виде исправительных работ и другие более мягкие наказания.

⁶⁸ См.: *Степичев С.* Нужен ли институт судимости? – «Социалистическая законность», 1965, № 9, с. 18.

⁶⁹ См.: *Мшвениерадзе П. Я.* Институт давности в советском уголовном праве. Тбилиси, 1970, с. 86–87; *Келина С. Г.* Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., «Наука», 1974, с. 206.

При совершении тех преступлений, за которые возможно назначить лишение свободы, т. е. более опасных преступлений, срок давности желательно определить равным максимальному сроку наказания за это преступление плюс один год. Например, ч. I ст. 144 УК предусматривает возможность назначения лишения свободы на срок до двух лет. Если будет принято предложенное правило определения давности осуждения, то в рассматриваемом случае эта давность будет равна $2+1 = 3$ годам.

В тех случаях, когда санкция статьи предусматривает дополнительное наказание в виде ссылки, высылки, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, к максимальному сроку лишения свободы надо присоединить максимальную продолжительность дополнительного наказания плюс один год. Так, ч. II ст. 92 УК устанавливает максимальное наказание в виде лишения свободы сроком на семь лет и факультативное присоединение к лишению свободы лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Руководствуясь предлагаемым правилом, срок давности определился бы следующим образом. К семи годам лишения свободы надо прибавить максимальный срок продолжительности данного дополнительного наказания – 5 лет + 1 год = срок давности осуждения будет равен 13 годам. При подобном исчислении продолжительности срока давности она во всех случаях будет превышать максимальную продолжительность того наказания, которое может быть назначено по закону. В тех случаях, когда лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ссылка или высылка предусмотрены санкцией закона как основные наказания, то продолжительность срока давности осуждения должна быть равной максимальной продолжительности этих наказаний, определенных данной санкцией, плюс один год. Поясним на примере. Статья 231 УК РСФСР устанавливает наказание в виде ссылки на срок до двух лет или высылки на срок до трех лет. Более продолжительный срок наказания установлен для высылки, поэтому срок давности за уклонение от примирения с учетом присоединения одного года по предлагаемому правилу будет равен четырем годам.

За удлинение сроков давности высказываются и другие авторы. Так, по мнению С. Зельдова, «продолжительность срока давности должна быть по общему правилу не меньше суммарного срока наказания за соответствующее преступление и предусмотренного законом срока погашения судимости за эти преступления».⁷⁰

Предложение С. Зельдова вызывает возражения. Прежде всего продолжительность срока судимости зависит не от санкции, предусматривающей ответственность за содеянное, а от срока осуждения. Следовательно, с технической точки зрения возникают трудности при определении того срока, который следовало бы присоединить к сроку давности, ибо при применении института давности лицо не осуждается. К тому же, как установлено п. 8 ст. 57 УК РСФСР, судимость лиц, осужденных к лишению свободы на срок свыше десяти лет, и особо опасных рецидивистов автоматически не погашается, а снимается судом. Значит, если принять предложение С. Зельдова, для рассматриваемых категорий лиц срок давности осуждения может стать пожизненным. Судимость – следствие осуждения, поэтому механически соединять ее с институтом давности осуждения едва ли целесообразно.

В Социалистической Республике Румынии до 1969 г. действовал УК 1936 г. В статье 168 этого УК было установлено правило, согласно которому срок давности уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних сокращался наполовину. В новом УК СРР, вступившем в силу с 1 января 1969 г., это правило сохранено (ст. 129 УК СРР). В Народной Республике Болгарии также предусмотрено сокращение сроков давности уголовного преследования лиц, совершивших преступление до совершеннолетия (п. 2 ст. 80 УК).

⁷⁰ Зельдов С. Соотношение сроков давности привлечения к уголовной ответственности и погашения судимости. – «Советская юстиция» 1967, № 12, с. 8.

П. Мшвениерадзе считает необходимым и в нашем законодательстве предусмотреть аналогичное сокращение срока давности уголовного преследования наполовину: «Установление более льготных давностных сроков для несовершеннолетних преступников вполне соответствует тем задачам, которые стоят перед институтом давности в уголовном праве, и в то же время было бы оправдано с точки зрения принципов гуманности и справедливости, которыми проникнуто советское уголовное право». ⁷¹ Предложение представляется верным. Действительно, советское законодательство не допускает назначения лишения свободы несовершеннолетним на срок свыше 10 лет (ст. 24 УК РСФСР), т. е. понижает его максимум на 1/3. Несовершеннолетний не может быть признан особо опасным рецидивистом (ст. 24–1 УК). Несовершеннолетие – обстоятельство, смягчающее ответственность (п. 7 ст. 38 УК); условно-досрочное освобождение от наказания лиц, совершивших преступление в возрасте до 18 лет, применяется на льготных условиях (ст. 55 УК) и т. д. Логично было бы и институты давности применительно к несовершеннолетним регламентировать так же, как в СРР и НРБ, по более льготным правилам.

В части IV ст. 41 Основ указано, что течение давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, скроется ⁷² от следствия или суда. В этих случаях течение давности возобновляется с момента задержания лица или явки его с повинной. Однако при этом лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, если со времени совершения преступления прошло 15 лет и давность не была прервана совершением нового преступления. Следовательно, и при сокрытии лица от следствия или суда в законе установлен абсолютно определенный срок давности – 15 лет. Единственное условие для применения этого срока давности в соответствии с законом – не совершение виновным лицом нового любого (умышленного или неосторожного, тяжкого или малозначительного) преступления. В таком случае даже факт уклонения от следствия или суда дает основание считать это лицо потерявшим общественную опасность, вследствие чего отпадает необходимость в осуждении его за содеянное.

«С принципиальной точки зрения установление в ныне действующем законодательстве более продолжительного срока, – пишет В. Е. Смольников, – в пределах которого лицо, скрывающееся от следствия или суда, может быть привлечено к уголовной ответственности, вполне оправдано. Однако действующее законодательство распространяет указанный пятнадцатилетний срок в равной мере на всех лиц, скрывшихся от следствия или суда после совершения преступления, без учета тяжести и общественной опасности содеянного. На наш взгляд, нельзя признать оправданной возможность привлечения к уголовной ответственности в пределах одного и того же пятнадцатилетнего срока давности лица, скрывающегося от следствия или суда, например, после совершения кражи в крупных размерах, караемой по закону лишением свободы на срок до 15 лет (ч. III ст. 89 УК РСФСР), и лица, виновного в повреждении морского кабеля (ст. 205 УК РСФСР), за что ему могут быть назначены исправительные работы на срок до трех месяцев или штраф до ста рублей. Поэтому и в отношении лиц, скрывающихся от следствия или суда, в законе желательно установить дифференцированные сроки давности с учетом опасности совершенных ими преступлений и предусмотренных в санкциях за эти преступления максимальных мер наказания. ⁷³ Приведенное высказывание вполне обоснованно. Действительно, существующий порядок исчисления давности привлечения к уголовной ответственности игнорирует характер общественной опасности преступления, совершив которое, виновное лицо уклоняется от суда и следствия. ⁷⁴

⁷¹ Мшвениерадзе П. Я. Институт давности в советском уголовном праве, с. 87.

⁷² Анализ уклонения от суда и следствия будет дан в следующем параграфе.

⁷³ Смольников В. Е. Давность в уголовном праве, с. 84.

⁷⁴ Такого же мнения С. Г. Келина (см.: Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности, с. 207).

Представляется удачным решение рассматриваемого вопроса в ст. 22 УК РСФСР 1922 г., в которой было указано: «Давностный срок, установленный ст. 21, удваивается, если привлеченный к суду или следствию скроется или иным образом уклонится от таковых». При такой регламентации давности привлечения к уголовной ответственности учитывается и характер содеянного, и факт уклонения от следствия или суда. Аналогичным образом решена данная проблема в ч. II ст. 81 УК НРБ: «Независимо от приостановления или перерыва течения срока давности уголовное преследование исключается, если истек срок, который превышает наполовину срок, предусмотренный в предыдущей статье».

Сравнивая ст. 22 УК РСФСР 1922 г. и п. 3 ст. 81 УК НРБ, предпочтение следует отдать последнему. Удвоение срока давности, пожалуй, чрезмерно удлинит срок давности. Особенно это будет ощущаться при увеличении максимума этого срока до 15 или даже до 20 лет (как это предлагают С. Степичев, П. Я. Мшвениерадзе и С. Г. Келина).

В большинстве буржуазных стран сроки давности привлечения к уголовной ответственности (уголовного преследования – по наиболее часто встречающейся терминологии) обычно высоки. Так, в Австрии максимальная продолжительность срока давности уголовного преследования равна 20 годам (§ 228 УК), Греции – 20 лет (п. 1 ст. 111 УК). Минимальная продолжительность рассматриваемого срока обычно зависит от того, совершено ли преступление, проступок или нарушение. Так, ст. 111 УК Греции устанавливает срок давности уголовного преследования за нарушения продолжительностью в 1 год, проступков – 5 лет. В Австрии срок давности уголовного преследования за нарушения равен 6 месяцам, за проступок – 1 год. В Дании максимальный срок давности уголовного преследования равен 10 годам (§ 93 УК). Особенностью определения продолжительности срока давности в Дании является то, что за основу берется не максимум санкции, а то наказание, которое могло бы быть назначено виновному за содеянное. Это предопределяет известный произвол органов обвинения или суда при применении давности уголовного преследования, так как решение этого вопроса в основном зависит от их усмотрения. В тех случаях, когда за содеянное может быть назначено свыше 6 лет заключения, срок давности не имеет предела. Однако в подобной ситуации требуется решение министра юстиции по каждому конкретному делу об отказе от уголовного преследования или о его применении (ч. III § 93 УК). Уголовные кодексы различных штатов США вопрос о давности решают по-разному. Так, УК штата Кентукки по этому вопросу немногословен. В статье 433 A1–050 указано, что *за felony*⁷⁵ давность уголовного преследования бессрочна, а за иные менее тяжкие правонарушения – один год. И это почти все. Бросается в глаза колоссальный разрыв между давностью *за felony* и другие правонарушения. Подробнее регламентирована давность уголовного преследования в § 5 УК штата Вермонт. Только за умышленные убийства в этом кодексе установлена бессрочная давность, а за иные тяжкие преступления – 6 лет. Минимальный срок давности уголовного преследования в штате Вермонт равен 6 месяцам. В пункте «с» § 5 УК штата Вермонт установлено интересное правило: уголовное преследование за преступление, совершенное должностным лицом, может иметь место в любое время, пока данное лицо находится на публичной службе, или через два года после оставления службы. Однако продление срока давности в подобном случае не может превышать на три года максимум давности за преступление подобной же тяжести.

При сравнении УК штатов Кентукки и Вермонта бросается в глаза необъяснимое различие в регламентации давности уголовного преследования. По УК Кентукки давность даже за такое нетяжкое преступление, как кража на сумму больше 100 долларов, бессрочна. Бессрочна в этом штате давность и за неосторожное убийство, а в штате Вермонт она равна трем годам.

⁷⁵ Преступление, караемое свыше одного года лишения свободы, относится к разряду *felony*.

§ 5. Исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности

В статье 41 Основ указано, что давность привлечения к уголовной ответственности исчисляется со дня совершения преступления. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством исчисление срока давности начинается с момента истечения суток (ст. 103 УПК РСФСР). Определение дня совершения формальных преступлений затруднений не вызывает. Им является день совершения преступного действия или бездействия.

Вместе с тем нет единого мнения о начале исчисления давностного срока материальных преступлений, если между действием (бездействием) и последствием имеется разрыв во времени. Н. Д. Дурманов исходит из того, что днем совершения материального преступления является день, когда наступят указанные в законе последствия.⁷⁶

Необходимо отметить, что подобная точка зрения представлена в ст. 32 УК ВНР и ст. 105 УК ПНР. В статье 105 УК ПНР, например, установлено: «Если доведение преступления до конца зависит от наступления указанного в законе последствия, время совершения преступления определяется моментом наступления последствия».

Более широкое распространение в теории нашего права получила иная точка зрения, сторонники которой началом исчисления сроков давности считают момент (день) окончания выполнения преступного действия (бездействия), независимо от времени наступления преступного результата. По этому поводу М. М. Федоров, например, пишет: «Может быть такое положение, когда фактическое окончание преступления наступит значительно раньше юридического. Так, смерть потерпевшего, наступившая спустя продолжительное время после причинения ему опасного для жизни повреждения, является обязательным признаком оконченного умышленного или неосторожного убийства. Однако фактически преступление следует считать оконченным с момента нанесения повреждений, с этого момента и надо исчислять давностный срок».⁷⁷

⁷⁶ См.: Дурманов Н. Д. Давность и погашение судимости. М., 1939, с. 8; *его же*. Освобождение от наказания по советскому уголовному праву. М., Госюриздат, 1957, с. 29; *его же*. Советский уголовный закон. М., Изд-во Моск. ун-та, 1967, с. 261–262; Хан-Магомедов Д. О. Освобождение от наказания. М., изд. Высшая школа МООП РСФСР, 1964, с. 6.

⁷⁷ Курс советского уголовного права, т. 2. Изд-во ЛГУ, 1970, с. 392.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.